

A movie poster for the Russian film 'Bez Neba' (Without Sky). The poster features a group of seven characters in a steampunk setting. At the top, a large airship is visible against a blue, hazy sky. The characters are dressed in leather and mechanical gear. The title 'Гизум Герко' is at the top, and 'БЕЗ НЕБА' is in large, glowing blue letters at the bottom. Below the title, the text 'ТОМ I: ДВА БОЛТА' (Volume I: Two Bolts) is written in white.

Гизум Герко

БЕЗ НЕБА

ТОМ I: ДВА БОЛТА

Гизум Герко

Без Неба 1: Два Болта

<https://litres.ru/74299153>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я, Майкл Крест, по прозвищу Гром.

Шахтёр и механик.

Я вырос в подводном аду среди ржавчины, долга и страха.

Моя жизнь — борьба за кислород, еду и остатки утонувшей надежды.

Когда в аварии гибнет близкий мне человек, а следы ведут к местному барону, мне приходится начать собственное расследование.

И я нахожу больше, чем даже ожидал...

На Дне нет героев. Только выжившие.

Мрачная нуарная серии о свободе, выживании и цене, которую придётся заплатить в борьбе за них.

Содержание

Глава 1. Два болта	4
Глава 2. Взрыв	27
Глава 3. Похороны Марка	48
Глава 4. Письмо о пыли	63
Глава 5. Признание Брига	79
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Гизум Герко

Без Неба 1: Два Болта

Глава 1. Два болта

Отец уводил за собой по длинному и темному коридору мать и Лизу. Я не мог сосредоточиться на обстановке — глаза заливали слезы и от них все вокруг плыло. Отец шел не оборачиваясь, как и мать, лишь Лиза изредка поворачивала ко мне лицо и протягивала руку, в которой держала свою старую куклу — рыбу луну.

Я пытался бежать за ними, но ноги словно попали в густые водоросли и не давали совершить мне и шага, хотя, скорее всего, я просто был слишком слаб.

Внезапно, кто-то грубо схватил меня за руку и потащил в обратном направлении. Я пытался вырваться, но его огромная лапища не оставляла мне шансов. Я оглянулся в попытках разглядеть, кто это, но слезы все еще застилали глаза — я смог разглядеть лишь темный силуэт без особых сил волокущий меня назад по коридору. У него на пути, впереди, светилась какая-то дверь. Я не мог разглядеть детали, но понимал, что мне нужно не туда, а в обратную сторону — к моим родителям и сестре.

Я закричал и что есть мочи рванул назад. Родители как

раз проходили по мостику на борт какой-то ржавой субмарины, стоящей в конце коридора. Странно, но хотя мне все еще никак не удавалось сосредоточиться на стенах, чтобы понять, где я нахожусь, но отца, принимающего из рук мамы Лизу, их позы, эмоции и лица я видел прекрасно. Как и огромный красный символ на борту лодки — «Винтовой круг», знак гильдии техников и мастеровых. Знак был поистине огромен и на несколько секунд полностью завладел моим вниманием — я разглядывал его мазки, облупившуюся краску, разводы и трещины, словно погружаясь в него сам.

Резкий рывок за руку выдернул меня из наваждения. Силуэт снова потянул меня прочь от того места, куда я стремился всеми своими силами. Еще раз закричав, я повернулся и начал колошматить по фигуре свободной рукой и ногами, пытаясь вырваться из стальной хватки.

** * **

— Майкл, прекрати, нам нужно уходить, — голос прозвучал внезапно знакомо, это был дядя Арто.

— Майкл, прекрати спать за работой! — резкий окрик Греты выдернул меня из кошмара, который все не отпускал меня вот уже больше двадцати лет. — Хочешь спать — катись в койку, ты не последний болт в узле!

Я открыл глаза и сонно оглянулся, не сразу разобравшись, где я нахожусь. Вокруг простирались завалы каких-то ме-

ханизмов, проводов и металлических конструкций. Мастерская Греты.

Это место было моим домом, я знал в ней каждый угол и мог без запинки перечислить все детали, лежащие кучами в каждом из углов. Немного терпкий, но такой успокаивающий запах припоя и смазки витал по всему помещению, не уходя, даже несмотря на избыточные в стенах дыры и трещины. Им было пропитано тут все — это была его вотчина.

Грета, чуть склонившись, стояла у стены, большую часть которой занимала огромная доска с разнообразными инструментами, начиная от простых отверток и заканчивая плазменными резаками для сверхточных работ — большая часть из этого уже многократно прошло через мои руки. Повернув в мою сторону голову, Грета задумчиво посмотрела на меня.

Я задумался — насколько же она была стара — очень стара по меркам Дна. Шестой десяток прошелся по ней напильником: содрал все живое, оставил сухое морщинистое лицо и повесил на один глаз мутное бельмо. Серые, коротко подстриженные волосы торчали в разные стороны — Грету не очень заботило, что у нее на голове, пока это не мешало работе.

— Мальчик, универсального ключа нет на месте! Ты опять засыпался! — произнесла она, все так же пялясь на меня.

Поморщившись от досады, я попинал свою вечную забывчивость, идущую в разнобой с практически маниакальным

пристрастием Греты к порядку. Я не стал в очередной раз поправлять ее «мальчика», а лишь, тяжело вздохнув, начал шарить между деталями на столе. Инструмент должен был быть где-то тут.

— Он мне был нужен для ремонта, — быстро ответил я.

— Отправишься на слушание сказителей с такими историями, — Грета многозначительно взглянула на разложенную передо мной плату обслуживающего контура, а затем отвела взгляд в сторону и наклонила голову, будто прислушивалась. Она вечно так замирала, часто походя на свихнувшуюся.

Невольно покраснев от стыда, я не нашелся что еще ей ответить. Само собой, ключ лежал под завалами без дела уже пару дней, пока я тыкал паяльником в схему, пытаюсь ее реанимировать. Я вытащил инструмент и протянул его в сторону механика.

Кладнул по металлу металл — протез Греты сомкнулся на ключе и забрал его из моей руки. Протез выглядел привычно — стандартный манипулятор ремонтного дрона. Но он был вживлен в руку старого механика, и это отпугивало от нее большинство жителей базы. Ну, до тех пор, пока у них не возникала нужда в нашей помощи.

К слову, здесь, в Тихой Гавани, такое происходило ежедневно — база разваливалась на глазах, большинство механизмов доживало свой последний ресурс. И все потуги Администратора уже не в силах были это исправить — без ре-

монтных дроидов любая база была обречена, а наши были мертвы уже пару десятков лет. Во всяком случае, я не помню, чтобы они работали.

Ужин стоял там же, где и всегда — на краю верстака: миска серой пасты, чуть подогретая на кожухе трансформатора. Ее не любят и не ненавидят — ее едят. Я зачерпнул ложкой, не отрываясь от платы. Вкус у пасты был один на все Дно: никакой.

— Я подавала заявку на твою сертификацию, — вдруг сказала Грета, не оборачиваясь от верстака. — Опять. Администратор ее жует который год. Видимо, вкуснее пасты.

Она не стала развивать, а я не стал спрашивать. Спрашивать было бесполезно — это я усвоил давно.

В дверь стукнули — коротко, виновато. На пороге мялась соседка с третьего яруса, прижимая к груди фильтр-нагреватель воды. Старье, каких у нас полбазы: мембрана забита, спираль в накипи, корпус держится на честном слове и проволоче.

— Опять? — спросил я, забирая у нее железку.

— Опять, — вздохнула она. — Третий день холодной мо-
емся.

Я расчистил угол стола и открыл свой ящик. Инструмента у меня было немного, но весь — рабочий: пара отверток с перемотанными ручками, тестер, выменянный у торговца с проходящего трампа, тонкий вибрационный резец для аккуратных работ. И гаечный ключ — старый, с потертой до

блеска рукоятью, тяжелее и лучше всего, что я мог бы себе позволить. Отцовский. Он лежал в ящике на своем месте, всегда сверху, и рука сама находила его первым.

Мембрану я продул, спираль отчистил резцом, контакты пропаил. Полчаса работы. Соседка расплатилась как все здесь платят — не кредитами, которых Администратор давно не переносил, а тем, что было: полоской сушонки и мотком приличной проволоки. Проволока была хорошая. Сушонку я отложил для Греты.

— Спасибо, Майкл. Золотые руки.

Она ушла, прижимая нагреватель к груди, как ребенка. Я посмотрел ей вслед и подумал, что завтра принесут следующий. И послезавтра. Мысль попыталась пойти дальше — куда все это катится, чем кончится база, где все чинится проволокой, — и уперлась во что-то глухое, как рука в низкий свод штреха. Там, дальше, было темно. Мысль потопталась у этой темноты и погасла сама собой, как гаснут все такие мысли.

Я вернулся к плате.

Грета направилась к своему верстаку, бормоча что-то под нос, я же собрался продолжить мучать плату, когда за дверью послышались шаги, она открылась и на пороге появился дядя Арто.

— Готов отправится к фанатикам? Чтоб их притопило! — произнесла Грета, дойдя до своего стола, взяв полоску сушонки, повертев ее в своей родной руке и положив обратно.

— Майкл, проводи его до шлюза и помоги отнести детали.

* * *

Свет в Трущобах уже был выключен, так что мы добились до доков в молчании. Стараясь не споткнуться и не свернуть себе шею в темноте.

Ящики весили чуть ли не больше, чем их содержимое, так что, дойдя до пристани, я довольно сильно вымотался. Я оперся о балку, уходящую к потолку, и окинул взглядом лодку. Тут освещение все еще было включено, так что я мог рассмотреть все в деталях.

Старая посуда дяди, по его словам, именно та, что вынесла нас с «Последнего Вздоха», все еще служила ему исправно и была нашим основным семейным капиталом, не позволяющим скатываться до нищеты. Не многие на Дне могли похвастаться личной лодкой и это позволяло перехватывать дяде то тут, то там небольшие заказы. Как и по основной работе — ремонту, так и просто работая курьером.

«Тихий Странник» внешне ничем не отличался от других подобных шаттлов — грубые, чуть скругленные углы и линии, обилие заклепок и вечная грязь на краске. Это был яркий контраст — ржавые и прохудившиеся конструкции базы и отшлифованные и всегда чисто покрашенные детали лодок. Никому не хочется перекрыть самому себе клапан.

— Думал, в этот раз ты удержишься подольше, — бурк-

нул я.

Дядя только пару дней как вернулся с «Сердца Пучины» и вот опять отправляется туда же. Шизанутые фанатики чинят технику песнопениями и «живой водой». Электронику, придурки.

— Ничего, последний Танец Тьмы в этой четверти. Хотя, они ж платят за ремонт, — он повернулся ко мне и скупой улыбнулся.

Несмотря на то, что он был даже старше Греты, выглядел он гораздо моложе. Куцая бородка, чуть шершавая кожа на лице и небольшой шрам на правой части виска. Его взгляд был ясным и уверенным. Он не молодился, он просто чувствовал себя отлично. Скорее всего, из-за того, что большую часть жизни он провел в довольствии, под тенью отца. Я слабо помню нашу жизнь на Вздохе, но тех крох, что остались в памяти, хватает понимать, что там мы купались в роскоши. Быть бароном — все равно что быть богом, выше только атланты.

Чтоб они захлебнулись.

Загрузив последний ящик в люк, дядя отряхнул свой комбинезон. Ничего выдающегося, если бы не нашивка «Болторукий» — знак принадлежности к высшей касте инженеров Бароната. Практически неприкасаемый. Только поехавший даже просто нахамит признанному администраторами мастеру.

Арто покопался в кармане и вытащил полоску сушенки.

Предложив мне и получив обычный отказ, он закинул ее в рот. Не люблю сушонку. И онемение после нее во рту. Руки дяди чуть дрожали.

Я понял, что, несмотря на внешнюю уверенность, он переживал.

И я мог его понять. У нас была не жизнь, а выживание. Выходя за Купол, несокрушимый артефакт атлантов, ты оставался один на один с настоящим Дном. Черным, давящим адом, и вечным трезубцем атлантов, направленным прямо тебе в грудь. Только поднимись чуть выше, и он пронзит тебя и пригвоздит ко Дну, где мы вынуждены барахтаться.

— Майкл? — голос дяди вытащил меня из оцепенения. Я с удивлением разжал онемевшие кулаки и вдохнул, понимая, что задерживал дыхание.

— Накатило, не обращай внимания, — медленно ответил я.

Дяде не нужно было объяснять. Все испытывали что-то подобное, вглядываясь в зев дока, уводящий в шлюз и дальше, за Купол. Кто-то в такие моменты жевал сушонку, успокаивающую нервы. Кто-то отхлебывал пару глотков настойку из водорослей. На меня же обычно накатывало, закручивая клапан на пару секунд.

Дядя протянул ко мне правую кисть, но увидев мою ухмылку, отдернул себя и, выругавшись, полез во внутренний карман. Вытащив горсть мелких кристаллов арконита, он

протянул их мне.

Наш всемогущий Администратор был калекой и не мог переносить кредиты между балансами имплантов, как это происходило на базах по всему Дну. Наша Тихая Гавань, ворча и ругаясь, была вынуждена носить при себе арконит для обмена. Один из немногих ресурсов, что был востребован везде и всегда.

— Прими письма от Лиры. Наверное, накопилось уже, а ты опять экономишь, — он подумал, и, достав еще горсть кристаллов, добавил. — И набери что-нить, она будет рада.

Я забрал вторую часть кристаллов и утвердительно кивнул. Спорить я не стал. Дядя был не прав — я не жалел кристаллов ради Лиры, но цены администратора за сообщения вовне проржавели насквозь.

Он забрался в люк, а я помог ему закрыть его за ним. Через некоторое время раздался гул, вода вокруг бортов забурлила и лодка двинулась к шлюзу, медленно погружаясь в черноту.

Дядя вышел из Тихой Гавани.

Я стоял и смотрел, как темнота за шлюзом доедает кормовые огни «Странника». Рука сама полезла в карман робы — и нашла там его. Отцовский ключ. Я даже не помнил, когда успел его туда сунуть. Металл был теплый, нагретый моим же теплом, и рукоять легла в ладонь так, как ложилась всегда — единственным правильным образом.

Отец казался огромным. Не потому, что я был мал — хотя мне было лет шесть, не больше, и край его верстака приходился мне по подбородок, — а потому, что все вокруг него становилось на свои места. В его мастерской на «Последнем Вздохе» пахло так же, как потом у Греты, — припоем и смазкой, — только светлее было раз в десять, и ни одна деталь не валялась где попало.

В тот день он разбирал регулятор давления. Старый, вздутый, со свищем на корпусе — такие обычно выбрасывали. Отец не выбрасывал ничего.

— Иди сюда, Майкл. Держи.

Он поставил регулятор передо мной и вложил мне в руки отвертку. Я смотрел на путаницу штуцеров и не понимал, с какой стороны к ней подойти.

— Я не знаю, как, — честно сказал я.

— Знаешь, — сказал отец. — Голова еще не знает. Руки уже знают. Руки всегда учатся раньше головы, им только мешать не надо.

И я крутил. Срывал шлицы, ронял пружину, дважды собирал клапан задом наперед, и отец не подсказывал — только придерживал корпус своей широкой ладонью, чтобы регулятор не елозил по верстаку. Когда клапан наконец сел на место и мембрана мягко щелкнула под пальцем, отец кив-

нул — один раз, коротко. У него это стоило дороже любых слов.

А потом он снял с доски ключ. Свой, рабочий, с рукоятью, потертой до тусклого блеска. Взвесил его в руке, будто прощался, и вложил мне в ладонь. Ключ был тяжелый, ладонь у меня была маленькая, и я вцепился в него двумя руками.

— Инструмент не дарят, — сказал отец. — Инструмент передают. Почувствуй разницу.

Я не почувствовал никакой разницы. Мне было шесть. Я просто держал ключ и смотрел на отца снизу вверх, и мне казалось, что так будет всегда.

* * *

Ключ все еще лежал в ладони. Док был пуст — только вода тихо толкалась в сваи пристани да гудели где-то под потолком усталые компрессоры. Я сунул ключ обратно в карман и пошел к лифтам. Разницу я давно почувствовал.

* * *

Утро на Дне приходило не со сменой света за иллюминатором, которого здесь отродясь не было, а с настойчивым гулом систем жизнеобеспечения, переходящим на повышенные обороты перед началом смены. Этот звук вьелся под ко-

жу так глубоко, что его перестаешь замечать, пока он вдруг не изменится. Или пока тебя не выдернет из сна резкий стук в дверь твоего жилого модуля.

Я сел на койке, отгоняя остатки тяжелых снов — обрывков вчерашнего кошмара, смешанных с густой вязкой усталостью. Сон на Дне редко приносил отдых. Скорее, передышку перед новым погружением в реальность.

— Гром, ты спишь, что ли? Опаздываем! — Голос Сарры за дверью был приглушенным, но настойчивым. Узнаваемый, даже сквозь толщу металла.

Проведя рукой по лицу, я встал. Мой модуль — роскошь по меркам Тихой Гавани: не общая казарма, а выгороженная каморка рядом с мастерской Греты. Пара полок с инструментом, койка, стол с терминалом, который почти никогда не работал из-за перебоев с сетью. Грета выбила его для меня у управляющего жилым блоком — очередная мелкая сделка в бесконечной цепочке долгов и услуг, из которых состояла жизнь здесь.

Открыл дверь. Сарра стояла в коридоре, постукивая носком ботинка по металлическому полу. Первое, что бросалось в глаза — копна рыжих волос, стянутых в тугой аккуратный хвост.

На ней была выдававшая виды рабочая роба — «обноски», как сказала бы она сама, — но чистая. Яркие зеленые глаза быстро скользнули по мне и тут же опустились чуть в сторону, избегая прямого взгляда — привычка, которую я давно

перестал замечать. Худая, даже щуплая, но в движениях — точность и уверенность техника; на предплечьях из-под закатанных рукавов белели старые и розовели свежие царапины.

На поясе висел универсальный инструмент и пара подсумков, за спину закинут небольшой рюкзак с приторочной шахтерской киркой — на всякий случай. В отличие от меня, все еще сонного, Сарра была уже полностью готова к работе.

— Иду, — буркнул я, возвращаясь внутрь, чтобы натянуть свою робу — такую же плотную, пропахшую машинным маслом и пылью ткань.

— Марк где? — спросил я уже в коридоре, закрывая дверь модуля.

— Не знаю, — Сарра пожала плечами, и в ее голосе проскользнуло легкое раздражение пополам с беспокойством. — Я стучала к нему — тишина. Может, уже ушел? Он вчера что-то говорил про старую технику, хотел проверить до основного потока. Вечно у него свои важные дела.

— Лезет в трубу без выхода, — подумал я про себя, вспоминая одно из любимых выражений Арто про такие вот авантюры.

Марк, младший из нас, ученик Греты, а по совместительству еще и брат Сарры, был хорошим парнем. Но слишком уж нетерпеливым и верил в удачу больше, чем в расчет. Как и все подростки. На Дне такая вера часто заканчивалась плохо.

— Ладно, пошли. Может быть, по пути встретим. Если

нет — куда он денется с подводной базы? — сказал я.

Мы двинулись по коридору в сторону лифтов, ведущих к транспортным уровням шахт.

* * *

Путь через утренние Трущобы мы проделали почти молча. Сонные фигуры шаркали по гулким коридорам, спеша на рабочие места. Воздух был спертым — переработанная вода, озон искрящих панелей, что-то кислое от фильтров вентиляции.

Навстречу попалась бригада Макса.

Сам Макс, невысокий суетливый парень лет двадцати, который вечно пытался казаться своим в доску, и двое его напарников — угрюмые мужики постарше с такими же уставшими лицами и в таких же потрепанных экзо-костюмах, как и большинство здесь. Их снаряжение было заметно хуже нашего — старые модели, чиненные-перечиненные.

— О, Гром! Сарра! Здорово! — Макс приветливо махнул рукой, немного заискивающе улыбаясь. — Че, на охоту за камушками сегодня? А нам опять кровушки для Векса пахать до усрачки! Говорят, квоту опять поднял, гад! Два глотка вперед еле наскребем на бартер у Админа, чтоб хоть инструменты подлатать!

— Языком меньше чеши, глаза в шахту! Пошли, работа не ждет. — Один из его напарников толкнул Макса в бок.

Я лишь коротко кивнул Максу, проходя мимо. Его болтовня была привычным фоном, как и вечные жалобы на Векса и квоты. Сарра и вовсе прошла мимо, даже не взглянув в их сторону.

У входа в шахтный лифт толпился народ: проверка пропусков, короткий инструктаж от надсмотрщика с нашивкой Векса — два перекрещенных болта на рукаве.

«Четыре болта» — символ правителя, пришедшего к власти через убийство конкурентов, так гласил местный фольклор.

Люди Векса носили половину этого символа. Намек был понятен — Векс под кем-то ходил, хотя и пыжился, как полный барон.

Мы с Саррой прошли проверку без проблем — люди Греты пользовались определенным кредитом доверия, пока исправно чинили то, что ломалось.

Кабина лифта с лязгом пошла вниз, унося нас глубже в недра базы. Давление росло, закладывало уши. На нашем этаже мы вышли одними из первых — в привычный грохот и вибрацию шахты, в густой запах руды, озона и машинной смазки.

Мы подошли к нашему участку — узкому штреку, где рудопроходческий комплекс, ласково прозванный кем-то «Кротом» — мифическим зверьком, с не менее мифической поверхности, уже гудел в ожидании работы. Его массивный корпус почти полностью перегораживал проход.

— Готов? — Сарра легко запрыгнула на небольшую платформу сбоку от основной буровой установки, где располагался ее пульт оператора сенсоров и сканеров. Она быстро проверила показатели, ее пальцы в шрамах и царапинах забегали по сенсорным панелям.

— Всегда, — кивнул я, занимая свое место в кресле пилота «Крота».

Оно было тесным, продавленным, но знакомым. Вот здесь, в этой тесноте, среди грохота и пыли, под защитой бронированного корпуса машины, я чувствовал себя на своем месте.

Особенно рядом с Саррой.

Она была моим штурманом, моими глазами и ушами там, куда не доставали сенсоры бура. Десятки раз ее быстрые команды спасали нас от завалов или поломки дорогостоящего оборудования. Я доверял ей полностью. Она доверяла мне вести машину по ее указаниям. Без этого здесь было не выжить.

— Давай левее, Гром, на два градуса, — ее голос прозвучал в наушниках шлема, спокойный и сосредоточенный, возвращая меня к реальности. — Там плотность ниже, похоже на разлом. Пройдем по краю.

Я плавно повел манипуляторами. Бур взревел, вгрызаясь в камень. Пыль забила обзорный экран, но я смотрел не столько на него, сколько на индикаторы состояния машины и слушал голос Сарры в наушниках.

— Нормы снова подняли, — отстраненно сообщила она через пару минут, глядя на показатели давления в породе, которые нужно было преодолевать. — Вексу все мало. Таки-ми темпами мы скоро саму базу пробури-м насквозь. И кому тогда эта руда нужна будет?

— Ему плевать, — ответил я, не отрываясь от управления. — Ему нужны объемы для обмена у Администратора. Сегодня. А что будет завтра — проблемы тех, кто доживет до завтра.

— Оптимистично, — хмыкнула Сарра. — Марк где-то шляется уже третий день. Грета говорит — почти не показывается в мастерской. Странно это.

Я тоже почувствовал легкое беспокойство. Марк мог опоздать, мог загулять где-то с друзьями, но обычно он предупреждал. Или хотя бы появлялся к середине смены. Тишина была на него не похожа.

— Сосредоточься, — сказал я, скорее себе, чем ей. — Работай, чтобы было что менять на еду и запчасти. Остальное потом.

Дальше мы работали слаженно, почти не разговаривая. Она отслеживала плотность и состав породы на своих сканерах, я вел машину, стараясь не повредить бур о слишком твердые включения, и одновременно выдерживая темп.

Первые часы смены всегда уходили на добычу «синей крови» — породы, насыщенной арконитовой пылью. Ценность ее была невысока, но Администратор принимал ее в боль-

ших объемах в обмен на базовые запчасти для систем жизнеобеспечения и другие товары со складов Атлантов. Векс требовал выполнять квоту по «крови» неукоснительно — от этого зависела работа станции и, как следствие, его власть.

«Дышишь — работай», — гласила мудрость Дна.

И мы работали.

— Хватит крови на сегодня, — наконец сказала Сарра, сверяясь с показаниями загрузки контейнера. — Квоту закрыли. Давай теперь попробуем найти что-то стоящее. Есть слабый сигнал арконита правее, метров тридцать. Старая выработка, узкая. Придется «Крота» оставить здесь и пройтись.

Я заглушил основной бур, оставив работать только силовое поле и системы жизнеобеспечения машины. Мы выбрались из кабин в узкий штрек. Воздух здесь был тяжелее, пахло сыростью и застарелой пылью.

Оставив грохочущего «Крота» позади, мы шагнули в тишину, нарушаемую лишь капающей водой и отдаленным гулом базы.

— Ты уверена? — спросил я, включая налобный фонарь. Его луч выхватил из темноты ржавые крепления и осклизлые стены.

— Сканер не врет. Сигнал слабый, но чистый. Может, небольшой карман кристаллов. Чистый арконит Администратор ценит выше. Хватит, чтобы обменять на новый ремкомплект для твоего модуля или... на пару писем Лире. — Сарра знала, чего мне это стоило, и молча поддерживала мою

связь с сестрой.

Знала и то, что я скрываю свое прошлое ото всех остальных.

Мы двинулись по боковому штреку.

Фонари выхватывали из темноты выбоины под ногами и осыпающуюся породу.

Дальше по штреку мы увидели Старого Мэла.

Он сидел в своей обычной позе у стены, в нише, где когда-то, видимо, стояло какое-то оборудование, и чертил что-то пальцем на пыльном полу.

Старейший шахтер базы, высохший, морщинистый, в рваной робе.

Я замедлил шаг, Сарра тоже. Я уважал Мэла — он был как часть самой базы, древний и непонятный.

— Стучит... — бормотал Мэл себе под нос, не оборачиваясь. — Оно всегда стучит... за стеной... Зовет... Тик-так... Два болта не хватает... для большого замка... Ха! Зовет...

Он вдруг замолчал, медленно повернул голову и посмотрел прямо на меня. Его глаза под седыми бровями были на удивление ясными и острыми.

Он узнал меня.

— Ты слышишь, Гром? — тихо спросил он. Голос был скрипучим, но осмысленным. — Оно зовет тебя. Не пропусти стук.

— Два болта не хватает... — Затем он снова отвернулся к стене и продолжил чертить свои символы.

— Пошли, — шепнула Сарра. — Не будем ему мешать.

Я кивнул, но слова старика застряли в голове. «Не пропусти стук.»

Мы дошли до места, на которое указывал сканер Сарры.

Небольшая трещина в стене. Я достал ручной инструмент — тонкий вибрационный резец. Работа требовала осторожности. Сарра подсвечивала мне и следила за датчиками.

Через полчаса кропотливой работы мы вскрыли небольшой карман. Кристаллы арконита — некрупные, но чистые, штук двадцать. Прозрачные, с голубоватым свечением. Отличное дополнение к дневной норме синей крови.

Мы осторожно собрали их в специальный бронированный контейнер.

— Удача сегодня с нами, — сказала Сарра, закрывая контейнер. — Хотя что-то ценное для обмена у Админа.

Внезапно из темноты штрека, откуда мы пришли, донесся какой-то шум и приглушенный вскрик. Мы с Саррой замерли, переглянувшись.

Через мгновение в свете наших фонарей появился запыхавшийся, перепуганный Марк. Одиннадцатилетний мальчишка выглядел так, будто пролез через все самые грязные и узкие щели базы. Его роба была порвана на колене, на щеке свежая ссадина, а глаза испуганно бегали.

— Марк! — воскликнула Сарра. — Какого черта ты здесь делаешь?! Тебе сюда нельзя! Это рабочая зона!

— Я... я искал тебя, Гром! — выпалил Марк, тяжело ды-

ша и испуганно озираясь. — Мне... мне срочно нужно! Грета сказала... нет, я сам! Мне нужны болты!

— Болты? — я нахмурился, шагнув к нему. От него пахло пылью и чем-то еще, незнакомым, слегка озоновым. — Ты пробрался сюда, рискуя попасть под обвал или нарваться на патруль Векса, ради болтов? Марк, ты в своем уме?

— Они очень нужны! — Марк почти плакал от страха и какой-то непонятной срочности. — Два болта! Такие... ну, десятка, наверное! Для... для одной штуки! Пожалуйста, Гром! У тебя же всегда есть в запасе!

Он выглядел таким отчаявшимся, что моя злость на его безрассудство немного утихла. Что-то действительно важное заставило его так рисковать.

— Ладно, — сказал я строго. — Найду я тебе пару болтов. Но чтобы сейчас же возвращался наверх, в жилой блок! И никому ни слова, что ты здесь был, понял? Если люди Векса узнают — тебе не поздоровится.

— Понял! Спасибо, Гром! Ты лучший! — Марк с явным облегчением кивнул. — Я сразу наверх!

Он развернулся и бросился бежать обратно по штреку, спотыкаясь в полутьме.

— Что с ним творится? — пробормотала Сарра, провожая его взглядом. — Он никогда так себя не вел. И что за штука, для которой ему так срочно понадобились болты, что он полез в шахту?

— Не знаю, — ответил я, чувствуя, как тревога сжимает

горло. Вспомнились слова Мэла. «Два болта не хватает...» Просто совпадение? — Ладно, смена все равно закончена. Пора наверх. Нужно присмотреть за этим искателем приключений.

«Два болта не хватает... для большого замка», — скрипел в памяти голос Мэла. Два болта выпрашивал Марк. На Дне не верят в совпадения — на Дне их проверяют. Не пропусти стук.

Глава 2. Взрыв

Мы вернулись к «Кроту», погрузили контейнер с арконитом.

Я запустил двигатели, и мы медленно двинулись обратно к основному стволу шахты.

Мысли были тяжелыми.

Что нашел Марк? Почему ему так срочно понадобились эти несчастные два болта? И что имел в виду старый Мэл?

Сдав добычу на сортировочном узле Администратора — бездушный механизм принял синюю кровь и кристаллы арконита, записав их на наш счет для дальнейшего бартера и выполнения квоты — мы наконец поднялись на лифте на транспортный уровень.

Тяжелый, спертый воздух шахты сменился чуть более свежим, но все таким же влажным и пахнущим ржавчиной воздухом жилых уровней «Тихой Гавани».

Впереди был путь через Трущобы в сторону нашего блока и жральни.

Выход из транспортного узла шахт был как глоток... ну, не свежего, но другого воздуха.

Менее спертого, чем внизу, но все такого же влажного, с неизменным привкусом ржавчины и озона.

Мы с Саррой молча влились в поток возвращающихся со смены рабочих, направляясь в сторону нашего жилого блока

через лабиринты Трущоб.

Здесь, на основных уровнях «Тихой Гавани», жизнь кипела активнее, чем в мертвой тишине глубоких выработок. Тусклые лампы отражались в лужах на металлическом полу; стены были покрыты слоями старой краски, ржавыми потеками и граффити — метками банд, долговыми расписками, просто криками отчаяния.

Мимо сновали шахтеры в грязных робах, техники с инструментами, торговцы со своим нехитрым скарбом, дети среди мусорных куч. Кое-где лепились импровизированные лавки: горсть синей крови — на порцию пасты, инструменты — на запчасти, мелкие кристаллы арконита — на все остальное.

Сломанный Администратор не мешал людям выживать, используя древнейший способ обмена.

Над всем этим — под потолком, в стенах, в самом полу — ровно гудела вентиляция. Гул был всегда: он въедался в уши в первый день жизни на базе и дальше просто существовал, как давление или темнота за Куполом. Его переставали слышать. О нем вспоминали, только когда он менялся, — и на моей памяти ничего хорошего такая перемена не предвещала.

Мы шли быстро, стараясь не задерживаться.

Трущобы были домом для многих, но для меня они оставались чужим, враждебным местом.

Мы миновали несколько заброшенных, темных секций,

откуда тянуло холодом и запахом плесени. У одного из таких провалов, где когда-то был жилой модуль, копошилась группа местных парней — подростков с наглыми глазами, разбирающих остатки обшивки на металлолом.

Они заметили нас.

Один из них, самый крепкий, сплюнул на пол и проводил меня тяжелым взглядом. Я знал этот взгляд — смесь зависти и неприязни. Чужак, прибившийся к Грете, к техникам, получивший отдельный модуль... Высочка.

Я встретил его взгляд холодно, не опуская глаз, но и не провоцируя. Секундное противостояние взглядов. Парень отвернулся первым. Мелкие стычки здесь были ни к чему, пустая трата сил и нервов.

Мы прошли мимо.

Дальше по коридору мы завернули к жилому блоку, где жила семья Колтов.

Генри Колт и его дети пытались выращивать какие-то съедобные водоросли на продажу в небольших гидропонных ваннах, притулившихся у стены модуля.

У их двери мы увидели неприятную сцену.

Один из шестерок Векса — мелкий тип с крысиным лицом и значком-болтом на грязной куртке — стоял перед заплаканной младшей дочерью Колтов, Линой, и ее старшим братом Майло, который пытался заслонить сестру.

— ...сказал же, отец твой должен! За аренду места! Векс ждать не будет! — гнусавил «шестерка», тыча пальцем в

Майло. — Не будет арконита — выкинем вас отсюда вместе с вашей травой!

— Отец на смене! Он заплатит, когда вернется! — испуганно отвечал Майло, но голос его дрожал.

Лина тихо плакала за его спиной.

Самоуправство мелких сошек Векса было обычным делом, но видеть, как прессуют детей... что-то во мне дернулось и я шагнул вперед.

— Заняться больше нечем, как детей пугать? — мой голос прозвучал резко и холодно.

Шестерка обернулся, явно не ожидая вмешательства. Увидев меня и Сарру, он на мгновение смешался. Он знал, кто мы.

Люди Греты.

Те, кто чинит то, без чего база встанет. Ссориться с нами было не с руки даже для мелкой пешки Векса.

— А тебе какое дело, техник? Не лезь не в свое, — прошипел он, но уже менее уверенно.

— Мое дело — чинить то, что ломается. А ты сейчас ломаешь порядок. Генри заплатит, когда вернется. А теперь проваливай, пока я не сообщил твоему начальству, что ты тут рабочее время прохлаждаешься, кошмаря детей.

Я сделал еще шаг вперед. Тип смерил меня злым взглядом, но понял, что продолжать бессмысленно. Публичная сцена ему была ни к чему.

— Ладно... — проворчал он. — Я еще вернусь.

Он развернулся и быстро скрылся в коридоре.

Лина тут же бросилась ко мне, обхватив мою ногу.

— Спасибо, Гром! Он страшный! — протараторила она.

— Все в порядке. Закройтесь и ждите отца, — ответил я, неловко погладив ее по голове.

Майло молча кивнул, все еще бледный, и потащил сестру внутрь модуля.

Мы с Саррой пошли дальше.

— Ржавчина, а не люди, — тихо проговорила Сарра, используя местное выражение для тех, кто прогнал изнутри.

— Векс закручивает гайки, — ответил я. — Ресурсов все меньше, давление растет. Вот такие и вылезают.

Мои мысли снова вернулись к Марку.

Что, если он тоже перешел кому-то дорогу? Вексу? Или таким вот шестеркам?

Марк нашелся сам.

Мы уже отходили от блока Колтов, когда из бокового технического коридора — из той самой темноты, откуда тянуло холодом и плесенью, — вылетел он. Роба порвана на том же колене, ссадина на щеке потемнела и подсохла, а глаза... Глаза горели. Не страхом, как в шахте. Чем-то другим. Он был похож на человека, который выиграл главный приз и смертельно боится, что билет отберут.

— Гром! — Марк затормозил передо мной, едва не врезавшись. — Ты не забыл? Болты! Два, десятка!

— Помню я про твои болты, — я перехватил сумку с ин-

струментом поудобнее. Руки гудели после смены, спина требовала койку. — Дай до дома дойти.

— А сейчас никак? — он приплясывал на месте, то и дело оглядываясь через плечо, в коридор, из которого выскочил. — Мне очень надо, Гром. Очень-очень.

— Марк, — Сарра шагнула к нему, взяла за подбородок и повернула к свету щеку со ссадиной. — Ты почему не в блоке? Где ты носишься весь день? Грета тебя обыскалась.

— Я по делу! — он вывернулся из ее пальцев — беззлобно, привычно, как уворачиваются от старших сестер. — Потом расскажу. Потом все-все расскажу, честно. Это... — Марк запнулся, и на секунду мне показалось, что сейчас проговорится. Не проговорился. Только заулыбался шире. — Потом. Сами увидите.

— После ужина зайди в мастерскую, — сказал я. — Отсыплю тебе болтов, каких хочешь. И гаек в придачу.

— После ужина! — просиял он так, будто я пообещал ему собственную лодку. — Я приду! Ты только никуда не уходи, ладно?

И умчался — худой, встрепанный, в порванной робе. На повороте обернулся и махнул рукой. Потом еще раз, уже из тени коридора, — это движение я скорее угадал, чем увидел.

— Совсем от рук отбился, — проворчала Сарра, но злости в ее голосе не было. Она смотрела брату вслед, пока темнота не съела его целиком.

— Зайдет вечером — расспросим, — сказал я. — Никуда

его секреты не денутся.

Мы вышли на небольшую площадь — расширение коридора, где пересекалось несколько транспортных путей и где обычно было самое оживленное место на базе. И тут мы увидели его.

Барон Векс.

Собственной персоной.

Высокий, поджарый, с хищным блеском в глазах и неизменным символом власти — «Железной Челюстью» — выгравированным на пряжке пояса.

Внимание сразу приковывала его левая рука. Сложный механический протез из темного, потертого металла заменял ее от самого плеча. Пальцы протеза — скорее, когти — сейчас неподвижно лежали на боку, но я знал, как быстро и бесшумно они могут двигаться. Говорили, Векс потерял руку в какой-то стычке при захвате власти, и с тех пор этот протез стал его визитной карточкой и инструментом устрашения. Каждый его жест этой рукой — указывающий перст, сжатый кулак — нес в себе угрозу.

Сейчас Векс стоял рядом с массивным транспортным контейнером и разговаривал с Копером — местным торговцем-мутантом, владельцем единственного на базе грузового корабля. У Копера была странно вытянутая голова, напоминающая глубоководную рыбу, и непропорционально длинные руки с бугристыми суставами — результат старых мутаций.

Его голос был низким и булькающим.

Векс указывал на содержимое контейнера своим протезом — пальцы-когти скользнули по металлу с тихим скрежетом. Внутри громоздились большие металлические конструкции. Я присмотрелся.

Контуры выглядели знакомо. Это были вентиляционные блоки. Массивные, промышленные, очень похожие на те, что использовались для основных магистралей воздухоснабжения шахт.

Зачем Вексу понадобилось столько вентиляционного оборудования? Да еще и через Копера, в обход официальных каналов Администратора?

Странно. Тревожно. Я заставил себя отвести взгляд, чтобы лишний раз не привлекать внимания барона или его охранников, стоявших неподалеку.

— Пойдем отсюда, — тихо сказал я Сарре.

Мы почти дошли до нашего блока, когда увидели Грету, стоящую у входа в мастерскую.

Она стояла, прислонившись к стене, и не спеша жевала полоску сушонки.

Ее внимательный взгляд был устремлен в сторону площади, на Векса и Копера, и на ее лице было написано явное неудовольствие и подозрение.

Увидев нас, она перевела взгляд, выражение лица тут же стало привычно-непроницаемым.

— Вернулись? Нормально смена прошла? — спросила ме-

ханик.

— Как обычно, — ответила Сарра. — Квоту закрыли, немного арконита нашли. Марк к тебе не забегал? Мы его в Трущобах встретили — умчался куда-то.

Грета покачала головой, все еще бросая косые взгляды в сторону площади.

— Нет. Ладно, идите есть. Гром, потом ко мне загляни. Есть разговор. — ее тон был будничным, но я уловил в нем напряжение.

Грета явно была чем-то обеспокоена, и ее взгляд на Векса только усилил мою собственную тревогу.

— Хорошо, — кивнул я.

* * *

Мы с Саррой направились в сторону жральни.

Усталость навалилась с новой силой, но мысли крутились как старый вентилятор — со скрипом, но неудержимо. Вокруг Марка, его странной просьбы, вентиляционных блоков Векса, Копера. И нехорошего предчувствия, которое росло с каждой минутой.

Жральня «Тихой Гавани» встретила нас привычным гулом голосов, лязгом металлической посуды и запахом синтетической пасты, въевшимся, казалось, в сами стены, — гулкое помещение с рядами длинных столов и скамей из потертого пластика под тусклым, унылым даже по меркам базы

светом.

Базовую пайку пасты — серую безвкусную массу — выдавали по идентификатору рабочего у раздаточного окна.

Системы жизнеобеспечения пока работали, и Администратор обеспечивал минимум для выживания бесплатно. Но за все остальное — дополнительную порцию, овощи от Колтов, кружку водорослевой настойки — приходилось платить у стойки в углу мелкими кристаллами арконита или долговыми расписками.

Мы с Саррой взяли свои порции и нашли свободное место в дальнем углу, подальше от основного шума.

Есть не хотелось, но силы нужно было восстановить. Грета ждала меня после еды, и разговор, судя по ее виду на площади, предстоял непростой.

Ели молча несколько минут, прислушиваясь к обрывкам чужих разговоров — жалобы на квоты, слухи о поломках, споры о бартере.

Обычная жизнь Дна.

— Что думаешь про Марка? — наконец тихо спросила Сарра, отодвинув почти нетронутую миску.

Я пожал плечами, продолжая методично отправлять пасту в рот.

— Что он влип во что-то. Вопрос — насколько глубоко. Его вид... Он был не просто взвинчен. Он был напуган. И эта его просьба про болты... Зачем одиннадцатилетнему мальчишке лезть в шахту, рискуя головой, ради двух болтов?

— Он сказал, для поделки, — Сарра нахмурилась. — Но он так озирался... Будто за ним гнались. И эта ссадина... Может, он уже столкнулся с кем-то? Куда он вообще мог полезть один?

— А в Трущобах он уже сиял, — сказал я. — Напуган — и счастлив. Знаешь, когда так бывает? Когда человек нашел что-то. Что-то, что, по его мнению, стоит страха.

— Куда угодно, где ему быть не положено, — вздохнул я, возвращаясь к ее вопросу. — Вентиляция, старые технические отсеки... Он же ученик Греты, любопытный. Мог наткнуться на что-то случайно. Или не случайно.

— Ты про Векса? — голос Сарры стал еще тише.

— Я видел его на площади с Копером. Они осматривали вентиляционные блоки. Зачем барону столько вентиляции именно сейчас? И почему через торговца, а не через Администратора? Векс явно что-то скрывает или действует в обход правил.

Я посмотрел на Сарру. Она поняла.

— Просто странное совпадение. Марк лезет в вентиляцию, Векс тайно закупает вентиляционное оборудование...

— Слишком странное, — согласилась Сарра. Ее зеленые глаза встретились с моими, тревога в них была неподдельной. — Ты думаешь...

— Я пока ничего не думаю, — прервал я ее. — Слишком мало информации. Но мне это не нравится. И Грете, похоже, тоже. Ты видела, как она смотрела на Векса? Будто пыталась

понять, что он задумал.

— Видела. Зачем она звала тебя? Думаешь, это связано с Марком?

— Скоро узнаю, — я встал из-за стола. — Поговорим позже.

— Хорошо, — ответила Сарра, тоже поднимаясь. — Гром... когда Марк придет за болтами — поговори с ним, ладно? Расспроси. Меня он не слышит, а тебя слушает. Присмотри за ним. Он хоть и шустрый, но еще совсем ребенок.

— Ладно, — кивнул я. — Постараюсь.

Я направился к выходу из жральни.

Предчувствие беды становилось все отчетливее. Марк, Векс, вентиляция, болты, странные слова Мэла, беспокойство Греты... Все эти разрозненные куски складывались в очень нехорошую картину.

Разговор с Гретой сейчас либо подтвердит худшее, либо подкинет новую загадку, еще опаснее.

Я толкнул тяжелую дверь мастерской Греты.

Внутри пахло озоном, машинным маслом и горячим металлом — привычные запахи этого места, единственного островка настоящего порядка и работающей техники во всей «Тихой Гавани». Стеллажи с инструментами, разобранные механизмы на верстаках, мерцающие экраны диагностических приборов — все было на своих местах.

Сама Грета стояла у одного из верстаков, хмуро разгля-

дывая какую-то сложную деталь. Ее лицо, обычно непроницаемое, сейчас было напряженным.

— Наелся от пуза! — наигранно весело произнес я, подходя ближе.

Грета подняла голову.

Взгляд у нее был усталый и обеспокоенный. Шутку она явно не оценила.

— Гром. Слышал последние новости? Векс затеял «плановую модернизацию». Меняет блоки воздухообеспечения шахт. Прямо сейчас, — тихо добавила она.

— Слышал краем уха. И видел его с Копером на площади, они как раз вентиляцию обсуждали, — ответил я, вспомнив массивные блоки. — Что не так?

— Не так то, что он ставит старые модули! — Грета стукнула кулаком по верстаку. — Подержанные! Которые он выменял у этого мутанта Копера. Я знаю — эти блоки были сняты с другой базы лет десять назад! Кто знает, в каком они состоянии? Администратор бы такое старье никогда не заказал, поэтому Векс и провернул все через Копера, наверняка в обмен на что-то другое, что ему было нужно от торговца. А если эта рухлядь откажет при запуске? Шахты останутся без воздуха!

Ее беспокойство было оправданным.

Вмешиваться в основные системы жизнеобеспечения базы, да еще используя сомнительные детали — это игра с огнем.

— Но это еще не все, — продолжала Грета, понизив голос.
— Мне тут сказали... Марка видели днем возле тех модулей.
Крутился там, что-то высматривал.

Гул вентиляции за стеной я перестал слышать.

Марк.

Вентиляция.

Болты.

— Я видел его в шахте, — быстро сказал я. — Он пробрался туда каким-то образом. Выглядел взвинченным, напуганным. Просил у меня два болта для какой-то поделки. Я обещал дать позже и велел убраться наверх.

— А час назад он поймал нас в Трущобах, — добавил я. Внутри что-то неприятно сжалось. — Напомнил про болты. Я велел ему зайти сюда, в мастерскую, после ужина. — Я оглянулся на дверь, будто Марк мог войти прямо сейчас. — Пока не приходил.

— Болты? — Грета нахмурилась еще сильнее. — Зачем ему болты там? Он же говорил, что... — она осеклась. — Не нравится мне все это, Гром. Совсем не нравится. Если он опять полез в вентиляцию рядом с зоной работ Векса, может огрести...

Договорить она не успела.

Глухой, мощный удар сотряс палубу под ногами.

По стенам прошла вибрация, задрожали инструменты на стеллажах.

Свет на мгновение мигнул, а издалека донесся нарастаю-

щий вой аварийной сирены и неясные крики.

Мы с Гретой переглянулись.

На ее лице был ужас и подтверждение худших опасений.

— Модули... — выдохнула она.

В этот момент дверь мастерской распахнулась, и в проеме появилась запыхавшаяся Сарра.

— Грета! Гром! Взрыв! У секции воздуховоснабжения шахт! Только что! — прокричала она.

Все сошлось.

Старые модули Векса.

Марк, крутившийся рядом.

Взрыв.

— Марк! — выкрикнула Сарра, поняв то же, что и мы.

— Бежим! — скомандовала Грета, уже срываясь с места.

Мы выскочили из мастерской вслед за ней, бросившись по гулким коридорам в сторону секции воздуховоснабжения.

Тревога за Марка смешалась с ледянящим предчувствием катастрофы.

* * *

Мы неслись по коридорам, расталкивая зевак, привлеченных воем сирены и далеким гулом взрыва. Аварийные лампы мигали красным, отбрасывая дерганные тени на стены. Воздух становился гуще, тяжелее, пахло гарью и озоном.

Мы бежали.

Грета чуть позади, ее лицо было непроницаемой маской, но я видел, как напряжены ее плечи.

Сарра бежала рядом со мной, ее дыхание было сбитым, глаза широко раскрыты от страха.

Я чувствовал, как колотится ее сердце — не от бега, а от ледяного предчувствия.

Секция модулей воздухообеспечения находилась в техническом ярусе над основными жилыми блоками.

Когда мы ворвались туда, картина предстала жуткая.

Один из массивных модулей, тот, что был ближе к старому вентиляционному стояку, был разворочен.

Металл оплавился и почернел, повсюду валялись обломки, в воздухе висела густая пыль, сквозь которую едва пробивался свет аварийных ламп.

Несколько человек Векса стонали на полу, прижимая руки к ранам — их явно задело взрывом.

Другие, целые, пытались потушить небольшое возгорание и оттаскивали раненых, ругаясь и крича приказы.

Среди них я увидел Векса.

Барон стоял чуть поодаль, лицо его было бледным от ярости или шока — трудно разобрать.

Его механическая рука сжималась и разжималась с тихим скрежетом.

Он орал на своих людей, указывая на обломки, его взгляд метался по сторонам, будто пытался понять масштаб катастрофы или найти виновных.

Но нам было не до Векса.

— Марк! — крикнула Сарра, бросаясь к искореженному модулю, туда, где зиял пролом в вентиляционную шахту.

Грета уже была там, светя фонарем в темный провал.

— Сюда! — ее голос был хриплым.

Я подбежал, направляя луч своего фонаря вслед за ее. Сарра замерла рядом, зажав рот рукой, ее тело была мелкая дрожь.

Марк был там.

Внутри вентиляционного короба, среди обломков и пыли. Его тело было неестественно изогнуто.

Прямо на нем лежала тяжелая внутренняя панель от модуля — толстая металлическая пластина, которую сорвало взрывом.

— Марк... Нет... — прошептала Сарра, оседая на колени. Слезы хлынули из ее глаз.

Я спрыгнул в неглубокий пролом, чувствуя, как ноги становятся ватными.

Я видел, что Марк не дышит.

Слишком поздно.

Дотронулся до пластины, пытаюсь ее сдвинуть, но она была неподъемной. Мой взгляд упал на ее крепления к стенке модуля. Два болта на месте, погнутые взрывом. И два пустых отверстия рядом. Резьба в них была чистой. Сюда должны были встать еще два болта.

Два болта.

Те самые, M10, которые так отчаянно просил у меня Марк несколько часов назад. Он был здесь, внутри, пытался что-то сделать с этой панелью — закрепить ее? Прикрыть свой лаз? И не успел.

Взрыв. Незакрепленная пластина...

Меня накрыло ледяной волной.

Вина.

Если бы я дал ему эти болты... Если бы он успел их вкрутить... Она бы выдержала? Или хотя бы не упала так?

«Два болта не хватает...» — слова Мэла резанули по памяти.

«После ужина зайди в мастерскую». Он не дошел до мастерской. Он пошел сюда — вкручивать то, что у него было. Два болта из четырех.

Сарра плакала навзрыд рядом, не замечая ничего вокруг. Грета положила руку ей на плечо, ее лицо было каменным, но в глазах стояла глубокая боль. Она переводила взгляд с Марка на развороченный модуль и обратно.

Она, как техник, наверняка уже оценила причину взрыва — некачественная деталь, халатность при установке.

Я опустился на колени рядом с Марком, с усилием отводя взгляд от пустых отверстий для болтов.

Нужно было что-то сделать.

Я осторожно поправил его порванную робу на груди. Пальцы нащупали под тканью что-то твердое, прямоугольное, незнакомое. Не раздумывая, подчиняясь какому-то ин-

стинкту, я быстро просунул руку под робу и вытащил предмет. Половинка кристалла странной формы, покрытая рядами светящихся символов, которых я никогда раньше не видел. Он был не сильно большим, с ноготь.

Я быстро сунул его во внутренний карман своей робы, прежде чем кто-то мог заметить.

Что это? То, что нашел Марк? То, из-за чего он полез сюда?

Я поднял голову.

Вокруг продолжалась суета.

Люди Векса выносили раненых.

Сам Векс подошел ближе к пролому, заглянул внутрь, на Марка, его лицо исказилось. Grimасой злости? Отвращения? Или разочарования? Он сплюнул и отвернулся, снова начиная кричать на своих подчиненных.

Его не интересовал мертвый мальчишка. Его интересовал провал операции и испорченное оборудование.

И все же, приглядевшись, я заметил: двое его людей, отогнав остальных от пролома, копались в обломках. Методично, кусок за куском, откладывая крупное в сторону. Они не расчищали завал. Они искали.

Я смотрел на тело Марка.

На Сарру, сотрясающуюся от рыданий.

В ладони она сжимала фонарик. Самоделку Марка — обрезок трубки, списанный светодиод, кнопка от чьего-то мертвого пульта; он собрал его в мастерской из мусора за

один вечер и с тех пор таскал с собой, не расставаясь, гордый, как барон. Фонарик выпал из его кармана, когда Грета отводила ее руки от тела. Теперь Сарра держала его в кулаке — так, будто это было все, что осталось от брата. Пожалуй, так оно и было.

На Грету, сжавшую кулаки.

На Векса, который использовал старье и не заботился о последствиях.

Виноват ли я из-за болтов? Да, эта мысль будет жечь меня вечно.

Виноват ли Векс со своими старыми модулями и квотами? Безусловно.

Но было ли это просто трагической случайностью? Или Марк увидел что-то, чего не должен был и поплатился? Почему он так рисковал?

Вопросы роились в голове, смешиваясь с болью и чувством вины. Но сквозь этот хаос прорастало что-то другое. Холодное и твердое.

Решимость.

Я должен узнать. Узнать, что на самом деле произошло здесь. Что искал Марк? Почему Векс так спешил с этой заменой? Что это за кристалл?

Я должен узнать правду.

Ради Марка, Сарры и ради себя.

Половинка кристалла лежала во внутреннем кармане — легкая, почти невесомая. Но я чувствовал ее сквозь рубу,

как раскаленный уголек. Люди Векса все еще перебирали обломки, кусок за куском. Что бы они ни искали — я почти не сомневался: оно уже нашлось. У меня.

Глава 3. Похороны Марка

На Дне не устраивают пышных проводов.

Смерть здесь — обыденность, такая же часть пейзажа, как ржавчина на стенах или вечная полутьма.

Марка хоронили в одном из неиспользуемых технических отсеков на среднем уровне — небольшом, гулком помещении с голыми металлическими стенами, пропахшем пылью и забвением.

Тело, завернутое в грубую мешковину, лежало на импровизированном постаменте из сваренных ящиков. Простых и грубых, как вся наша жизнь.

Хоронить на Дне некуда. Земли здесь нет — под ногами палуба, под палубой ил, а в иле места не выпросишь. Поэтому Дно отдает своих мертвых воде. В дальней стене отсека темнел утилизационный шлюз — обычный грузовой лоток, каким сбрасывают за Купол отработанный шлам. Для живых — мусорный желоб. Для мертвых — последняя дверь. Старики называли это «отдать Глотке»: где-то там, внизу, глубже всех шахт, Дно глотает все, что ему приносят, и ничего не возвращает.

Но прежде чем тело уйдет в лоток, положено закрыть счета. Так здесь заведено: умерший не может уйти должником. Все, что он нажил — каждая вещь, каждая железка, — должно быть передано из рук в руки, вслух, при людях. «Послед-

няя сделка», говорили старики. Вещь, не отданную в руки, Дно считает украденной. А за украденным оно приходит.

Я не верил в это. Почти никто уже не верил. Но никто и не проверял.

Люди подходили к постаменту по одному. Без слов — слова на Дне дороги, как все остальное. Подошедший клал ладонь на мешковину — на секунду, две, — и отходил, уступая место следующему. Ладонь на сверток: я здесь, я видел, я запомнил. Шахтерские ладони, широкие и сбитые; сухие ладони стариков; маленькая ладошка Лины Колт, которую Генри приподнял, чтобы она дотянулась. Очередь двигалась медленно и тихо, как все очереди Дна, только в конце этой не выдавали ничего, кроме права попрощаться.

Я тоже положил руку. Мешковина была шершавой и холодной, и под ней не было ничего, что напоминало бы Марка — вчерашнего, живого, приплясывающего от нетерпения. «Ты только никуда не уходи, ладно?» Я не ушел, Марк. Это ты ушел.

Собралось немного народу — человек двадцать, не больше. Жители «Тихой Гавани», те, кто знал семью Лоусонов, или просто пришел из глухого, подсознательного страха перед бездной, которая только что забрала одного из них. Стояли молча, потупив взгляды. В тусклом свете аварийных ламп их лица казались высеченными из серого камня. Слышно было только тихое гудение вентиляции где-то вверху да редкое покашливание.

Сарра стояла рядом со мной, маленькая, хрупкая фигурка в своем вечном рабочем комбинезоне.

Она не плакала. Слезы, кажется, кончились еще вчера, у завала. Теперь она просто смотрела на сверток перед собой пустыми, выжженными горем зелеными глазами.

Я держал ее за руку, чувствуя, как мелко дрожат ее пальцы. Моя собственная скорбь была глухой, тяжелой, перемешанной с ледяной яростью, которая с вчерашнего дня не отпускала ни на секунду.

Грета стояла чуть поодаль, скрестив на груди руки — одну живую, другую механическую. Ее морщинистое лицо было непроницаемо, как всегда. Старуха видела на своем веку слишком много смертей, чтобы поддаваться эмоциям.

Рядом топтался старик Мэл, что-то неразборчиво бормоча себе под нос — то ли молитву, то ли очередное свое пророчество о голосах из глубин.

Старик Эзра, на удивление трезвый, скорбно качал головой, источая привычный букет перегара и затхлости.

Семья Колтов — Генри, Майло и маленькая Лина — жались друг к другу, их лица выражали искреннюю скорбь.

А еще там были они.

Орлан и Рикс. Люди Векса.

Стояли у входа, чуть поодаль от остальных, с каменными лицами. Не охраняли. Не скорбели. Просто наблюдали. Их присутствие здесь, на этих скорбных проводах, казалось фальшивым, неуместным.

Я поймал взгляд Орлана — тяжелый, холодный, без тени сочувствия. Он смотрел не на тело Марка, а на нас, на Сарру, на меня. Будто проверял реакцию, оценивал, не скажем ли мы чего лишнего. В этом взгляде не было горя. Была настороженность. И что-то еще... Похожее на плохо скрытое удовлетворение? Или мне показалось?

Нет, не показалось.

Они не скорбели. Они проверяли, закрыта ли тема. Убеждались, что никто не будет копать глубже.

Когда я проходил мимо них, встречая тех, кто пришел позже, Орлан чуть наклонил голову. Вежливо. Почти уважительно.

— Барон соболезнует, — сказал он ровным, ничего не весящим голосом. — Производственные случаи — общая беда. Аварийная секция закрыта до окончания работ. Ради всеобщей безопасности.

Он не ждал ответа. Он его и не получил. Но я услышал все, что было сказано между слов: тема закрыта. Не суйся.

Моя ярость поднялась новой волной, обжигая горло.

Виновны.

Они точно были виновны.

Никто не произносил речей.

Старик Мэл что-то прошамкал про «Глотку Дна», которая забирает тех, кто заглядывает слишком глубоко, но его никто не слушал.

Потом Грета вышла вперед, и стало совсем тихо.

В ее живой руке была холщовая сумка — все, что осталось от Марка. Немного. Умещалось в одну сумку, которую и ребенок бы унес.

— Последняя сделка, — сказала Грета без выражения, как объявляют начало смены. — Марк Лоусон, ученик механика. Дно свидетель: он уходит, никому не должный.

Она достала первую вещь. Ученический ключ-трещотка, потертый, со сбитым лаком на рукояти — Грета сама выдала его Марку в первый день, как выдавала когда-то Сарре, как когда-то, наверное, кто-то выдал ей.

— Ключ ученика, — назвала Грета. — Работал честно. Кому?

— Мне, — сказала Сарра. Голос был тусклый, но ровный. — Беру. Сделка честная.

Ключ лег в ее ладонь. Пальцы сомкнулись.

— Моток проволоки, медь, — продолжала Грета. — Выменян на смене, не украден. Кому?

— Мне. Беру. Сделка честная.

Третьей была жестянка. Старая коробка из-под фильтров, перемотанная резинкой. Грета открыла ее и на секунду замерла — и я увидел, как дрогнуло ее каменное лицо. Внутри лежали сокровища: гайки, шестеренка от разобранного хронометра, осколок синего стекла, обкатанный до гладкости, пара мелких кристаллов арконита. Сбережения. Марк копил на настоящий инструмент — «как у Грома», говорил он.

— Жестянка, — сказала Грета. Голос у нее сел на пол-

тона. — И все, что в ней. Кому?

Сарра смотрела на коробку, и я знал, что она видит. Не гайки и не стеклышко. Она видела, как складывала в такую же жестянку свои сокровища сама — пять лет назад, когда им с Марком раздали вещи родителей, и на две детские ладони пришлось все, что двое взрослых нажили за жизнь. Ей было шестнадцать. Она приняла ту сделку за двоих, потому что шестилетний Марк не мог выговорить «беру» — он еще ждал, что мама вернется со смены. С того дня Сарра не была ему сестрой. Она была ему всем.

Об этом не говорили. Ни она, ни Грета, взявшая тогда обоих к себе — сначала кормить, потом учить, потому что кормить просто так на Дне не умеет даже Грета. Я знал историю кусками, собранными за годы: оброненное слово, дрогнувшая рука, взгляд, которым Сарра провожала каждый буровой дрон старой серии — той самой, что сорвалась со стопоров в шахте в ту смену. Целиком эту историю не рассказывал никто. Целиком ее, наверное, нельзя было рассказать и остаться стоять.

— Мне. Беру... — Сарра запнулась, но договорила. — Сделка честная.

Четвертым был фонарик.

Тот самый, самодельный — обрезок трубки, списанный светодиод, кнопка от мертвого пульта. Сарра отдала его Грете утром, перед обрядом, своими руками — чтобы он прошел ритуал, как положено. А теперь должна была принять

обратно.

— Фонарь, — назвала Грета. — Собран своими руками. Светил. Кому?

Сарра открыла рот. И не смогла.

Я знал этот фонарик дольше, чем думал. Знал, почему Марк собрал его и почему таскал с собой, не расставаясь. Пять лет назад, когда буровой дрон сорвался со стопоров и семья Лоусонов за одну смену стала на два человека меньше, шестилетний Марк ушел искать родителей. Сам. Вниз, в шахту, в темноту, без света — его нашли через шесть часов, охрипшего от крика, в глухом штреке, где не горело ни одной лампы. С тех пор он не выносил темноты. И с тех пор у него всегда был при себе свет. Сначала чужой. Потом — свой, сделанный своими руками, чтобы никто не мог отнять.

Сарра стояла и молчала. Ее губы шевелились, но звука не было. Пауза растягивалась, и я почувствовал, как по молчаливым рядам за спиной проходит тихое, суеверное беспокойство: сделка не должна висеть.

— Ей, — сказал я. — Она берет. Сделка честная.

Грета посмотрела на меня. Потом на Сарру. Сарра кивнула — один раз, едва заметно, — и я вложил фонарик в ее ладонь, поверх ключа. Ее пальцы были ледяные.

— Последнее, — сказала Грета и достала из сумки сложенный вчетверо кусок пластика — детский рисунок, процарапанный на обратной стороне списанной накладной: лодка, коряво, с трубой, которых у лодок не бывает, и три фи-

гурки на палубе. — Кому?

— Мне, — выговорила Сарра шепотом. — Беру. Сделка честная.

— Сделка закрыта, — сказала Грета в тишину. — Дно в расчете.

И тишина приняла это, как принимает все.

Потом двое рабочих подняли сверток с постамента — бережно, насколько бывают бережными руки, всю жизнь ворочавшие железо, — и понесли к утилизационному шлюзу. Лязгнула крышка лотка. Прошелестела мешковина. Глухо, утробно рывкнула вода за бортом, принимая то, что ей отдали, — и все кончилось.

Дно проглотило Марка так же буднично, как глотало все.

Потом люди начали расходиться. Молча, по одному, растворяясь в полумраке коридоров. Каждый спешил вернуться к своей рутине, к своей борьбе за выживание, стараясь поскорее забыть об очередном напоминании, как хрупка жизнь на Дне.

Скоро остались только мы с Саррой и Грета.

Старуха подошла, положила свою живую руку Сарре на плечо.

— Пойдем, — сказала она тихо. — Ему уже все равно. А живым надо жить. Дышать.

Сарра не ответила, только крепче вцепилась в мою руку.

Я помог ей подняться. Ноги ее не держали. Мы медленно побрели прочь из этого холодного, пустого отсека, оста-

вив Марка наедине с тишиной и ржавчиной. А Орлан и Рикс все так же стояли у входа, провожая нас своими тяжелыми взглядами.

Они своего добились.

Пока что.

* * *

Поминали в жральне, в дальнем углу, за сдвинутыми столами.

Так тоже было заведено: после «Последней сделки» живые должны сесть и поесть. Не в память — назло. Показать Дну, что оно взяло одного, а остальные дышат и жуют. Паста, серая и безвкусная, как всегда. Водорослевая настойка в разнокалиберных кружках — Эзра принес, не пожалел из своих запасов, и, вопреки обыкновению, сам почти не пил. Сидел, крутил кружку в пятнистых руках и рассказывал вполголоса, как Марк однажды выменял у него «карту старых уровней» за три гайки, а карта оказалась схемой канализации. «Не обиделся ведь. Ржал. Неделю потом меня инженером звал».

Кто-то тихо хмыкнул. Кто-то еще. Так на Дне плачут.

Потом пришли Колты — всей семьей, Генри впереди. Он молча поставил на стол миску, прикрытую тряпицей, и снял ее.

Водоросли. Свежие, из их гидропонных ванн. Живая зе-

лень — на столе, где сроду не лежало ничего, что не вышло бы из раздаточного окна. Такое не покупают и не продают; горсть свежих водорослей стоила больше, чем вся выпитая сегодня настойка, и все за столом это знали.

— От нас, — сказал Генри. И, помолчав, добавил, глядя на меня: — Ты за моих вступился. Я помню.

Больше он ничего не сказал. Сел с краю, рядом усадил Майло и Лину. Лина, поколебавшись, придвинула свою миску к Сарре и переложила ей самый зеленый пучок. Сарра посмотрела на нее — и впервые за два дня что-то живое шевельнулось в ее выжженных глазах.

Сарра почти не ела. В какой-то момент она отставила миску, развязала холщовую сумку и выложила перед собой на стол вещи Марка — все пять, в ряд, как раскладывают инструмент перед работой. Ключ. Проволоку. Жестянку. Рисунок. Фонарик. Долго смотрела на них. Потом взяла фонарик и нажала кнопку.

Он загорелся. Слабенький, желтоватый огонек — светодиод был списанный, Марк выпаял его издохлой панели и страшно гордился, что заставил работать. Огонек горел посреди стола, между мисками с серой пастой, и никто за столом не сказал ни слова. Сарра не стала его гасить. Так он и горел до конца поминок — маленький, упрямый, собранный из мусора свет, переживший своего мастера.

Мы сидели, ели, молчали и говорили. Обычные, ничего не стоящие слова. Дно за переборкой давило миллионами тонн

черной воды, а здесь горел тусклый свет, пахло настойкой и свежей зеленью, и двадцать усталых людей держали этот свет собой, как держат подпоркой просевшую балку.

Это все, что мы умели противопоставить бездне. Может, потому и были до сих пор живы.

* * *

Мы вернулись в мастерскую.

Здесь, среди знакомых запахов масла и металла, Сарра наконец позволила себе расслабиться. Она опустилась на старый ящик в углу, обхватила колени руками и зашлась в беззвучных рыданиях. Ее худенькие плечи сотрясались, но она не издавала ни звука, будто боялась, что крик окончательно ее разрушит.

Я сел рядом, неуклюже обнял ее за плечи.

Что я мог сказать? Слова здесь были бессильны. Марка не вернуть. Ярость, кипевшая во мне, требовала выхода, действия. Найти тех, кто это сделал. Заставить их заплатить.

Векс. Орлан. Рикс.

Их лица стояли у меня перед глазами. Я знал, что это опасно. Знал, что Векс держит базу в кулаке, и идти против него — все равно что лезть в трубу без выхода. Но мысль о том, что они останутся безнаказанными, была невыносима.

Грета подошла к нам, держа в руке небольшой пучок сушеной водоросли — местный аналог успокоительного. Она

протянула его Сарре.

— Пожуй, — сказала она своим обычным, чуть скрипучим голосом. — Снимет остроту.

Сарра помотала головой, отстраняясь.

— Это они... они его убили, — прошептала она сквозь рыдания. — За что? Он же просто мальчик...

— Мы не знаем этого наверняка, Сарра, — осторожно сказал я, хотя внутри все кричало об обратном. — Это мог быть несчастный случай. Обвал...

— Не верю! — она подняла на меня заплаканные глаза, в которых горела отчаянная ненависть. — Ты видел их лица! Орлан, Рикс... Они знали! Они что-то искали! Марк им помешал!

— Тише, девочка, — вмешалась Грета. Она села на корточки перед Саррой, ее единственный глаз внимательно изучал ее лицо. — Ненависть — плохой советчик на Дне. Она сжигает изнутри быстрее, чем ржавчина съедает металл. Векс силен. Если ты полезешь на рожон, он раздавит тебя, и всех нас заодно. И никто не поможет.

Она была права, как всегда.

Старая ведьма всегда была права. Ее прагматизм, отточенный десятилетиями выживания, был холоден, но честен.

— И что же, просто забыть? — спросил я глухо, глядя на Грету. — Сделать вид, что ничего не было? Позволить им...

— Я не говорила забыть, — перебила она, ее голос стал жестче. — Я сказала — не лезть на рожон. Месть — это блю-

до, которое не ржавеет со временем. Особенно здесь, внизу. Если хочешь чего-то добиться, Гром, включи голову, а не маши кулаками. Сначала узнай, что произошло на самом деле. Без доказательств твои обвинения — пустой звук, который только навлечет беду.

— А пока — работайте. Работа лечит. Или хотя бы отвлекает.

Она встала, подошла к верстаку и взяла в руки какой-то инструмент.

Грета вернулась к своим механизмам, оставив нас с Саррой одних. Сарра постепенно успокаивалась, ее рыдания перешли в тихие всхлипы.

— Хорошо, — сказал я. — Голова так голова. Давай считать.

Сарра подняла на меня глаза. Я стал загибать пальцы — медленно, вслух, как раскладывают на верстаке разобранный узел.

— Марк просит два болта. Не какие-нибудь — десятку, под крепеж промышленной панели. Векс в тот же день ставит в магистраль подержанные модули, снятые с чужой базы десять лет назад. Купленные у Копера, в обход Администратора, — то есть так, чтобы нигде не осталось записи. Марка видят у этих модулей. Ночью — взрыв. А наутро люди Векса роются в обломках. Не разбирают завал — ищут. Кусок за куском.

— Значит, там что-то было, — тихо сказала Сарра. Слезы

у нее высохли; теперь она думала, и это было лучше слез. — Что-то, что Марк нашел раньше них.

— Или увидел то, чего видеть не должен был, — сказал я. И уперся в то, во что упирался весь день: — А дальше — стена. Все это — совпадения. Каждое по отдельности объясняется. Векс скажет: модернизация. Копер скажет: торговля. Орлан скажет: производственный случай, секция закрыта, ради всеобщей безопасности. И любой суд Дна — если бы на Дне был суд — встанет на их сторону, потому что их сторона и есть Дно.

— Доказательства, — глухо сказала Сарра.

— Доказательства лежат там, — я кивнул в сторону, где за переборками, за палубами, гнила аварийная секция. — В том, что люди Векса не успели найти. Если не успели.

Грета не обернулась от верстака. Но инструмент в ее руках замер.

— Вентиляцию третьего сектора после взрыва положено обследовать, — сказала она в пространство, ни к кому не обращаясь. — Повреждения, целостность магистрали. Работа как работа. Допуск у Администратора я выбить могу — на одного техника.

Она наконец повернула голову и посмотрела на меня своим единственным глазом.

— Но если тебя там прижмут люди Векса, Гром, — никакой допуск тебя не вытащит. Понимаешь, во что лезешь?

— Понимаю, — сказал я.

— Один ты не пойдешь, — Сарра поднялась с ящика. Голос у нее еще дрожал, но это уже была не дрожь горя.

— Допуск на одного, — сказал я. — Вдвоем нас завернут на первом же посту. А если не завернут — вдвоем мы вдвое заметнее.

Она хотела спорить — я видел, как сжались ее кулаки. Потом разжались.

— Тогда я выйду на смену за двоих, — сказала она. — Закрою твою выработку по квоте, чтобы никто не спросил, где техник Гром и почему его бур молчит. И, Гром... — она посмотрела мне в глаза, впервые за день прямо и долго. — Вернись. Я больше никого не могу отдать Глотке. Норма выбрана.

Так на Дне говорят «я боюсь за тебя». Другого языка у нас не было.

Я сидел рядом, чувствуя, как решимость крепнет во мне. Грета права. Нужны доказательства.

Нужно понять, что искал Векс.

И какое отношение ко всему этому имел Марк.

Я найду ответы. Найду. Даже если для этого придется спуститься в самую гнилую трубу этого проклятого Дна.

Глава 4. Письмо о пыли

Вечером, когда Сарра, измученная горем, наконец уснула в их каморке, я сходил к единственному рабочему терминалу связи в общественном зале Купола.

Он стоял в углу, старый, поцарапанный, с вечно мерцающим экраном. Пользовались им редко — связь с поверхностью стоила целое состояние.

Отправить короткое текстовое сообщение — триста кредитов. Видеозвонок — три тысячи.

На «Тихой Гавани» кредитов не было, но Администратор исправно конвертировал арконитовые кристаллы по своему грабительскому курсу. Три крупных кристалла за письмо — почти половина моей дневной нормы в лучшие времена.

Я достал из потайного кармана комбинезона три синеватых кристалла, заработанных сегодня ремонтом фильтра.

Рука не дрогнула, когда я опустил их в приемный слот терминала.

Экран ожил, предлагая ввести адрес и текст.

Адресат: Лира Крест. Поверхность. Община Рептилоидов «Тихий Камень».

Я долго смотрел на мерцающий курсор, подбирая слова. Как рассказать ей о том, что произошло? Как объяснить весь этот ужас, эту безысходность Дна?

Нельзя.

Она живет там, наверху, пусть и в нищете, служанкой у ящеров, но под небом. Она не должна знать всей правды о том аде, в котором застрял ее брат.

Не должна знать о Марке. Это сломает ее.

Пальцы забегали по сенсорной клавиатуре.

«Лира, привет. У меня все по-старому. Работаю. Дышу. Грета ворчит, Сарра держится. База стоит, хоть и ржавеет понемногу. Как ты там? Как Искра? Береги себя. Надеюсь, скоро смогу накопить на звонок. Обнимаю. Майкл».

Коротко. Сухо. Безэмоционально. Я не смог заставить набрать себя больше. Ложь во спасение.

Я нажал «Отправить».

Терминал пискнул, подтверждая отправку и списание кристаллов. Три дня работы в шахте улетели в пустоту, ради надежды, что это короткое сообщение дойдет до нее, что она прочтет его и улыбнется. Мысль о ней, о ее существовании там, наверху, была единственным светом в этой беспросветной тьме.

Ради нее я жил.

Ради нее я должен был выбраться отсюда.

На экране мигнул значок входящего сообщения.

От Лиры. Должно быть, отправлено пару дней назад — связь работала в обе стороны одинаково медленно и дорого.

Я открыл письмо.

«Майкл, привет! Рада была получить твоё прошлое письмо. Я его столько раз перечитывала, что выучила наизусть —

все четыре строчки, скупердяй ты этакий. У нас все по-прежнему. Работаю с животными, ухаживаю за садом. Рептилоиды ворчат, но кормят. В этом сезоне мне разрешили взять угол под грядку, и у меня взошла зелень — настоящая, горькая, пахнет так, что кружится голова. Я срезаю по листику и растягиваю. Ты бы смеялся: я разговариваю с грядкой, как старуха. А еще у нас были дожди, три дня подряд, и вся община ходила довольная, даже хозяева перестали ворчать. После дождя тут пахнет камнем и травой, а с холма видно, как над долиной стоит пар, будто вся земля дышит. Вечерами мы теперь сидим у общего очага дольше обычного — старшие считают, каким будет сезон, а я слушаю вполуха и штопаю. Работы много: скотину перегоняли на дальние выпасы, я неделю ходила туда и обратно, стерла ноги, зато научилась свистеть так, что ящеры оборачиваются. Не знаю, зачем я тебе это пишу, — просто хочется, чтобы ты знал, что здесь так бывает.

Искра выросла, стала совсем ручной, смешно щелкает челюстями. Она теперь спит у меня в рукаве, а днем греется на плоском камне у сада и охраняет грядку от птиц — раздувается и шипит, а птицы ее не боятся совсем. Хозяева говорят, кристаллические тритоны чувствуют погоду. Не знаю, правда или нет, но перед теми дождями она три дня не вылезала из рукава.

Знаешь, тут в старых шахтах, где родители работали, опять нашли какую-то странную пыль. Говорят, от нее на ко-

же сыпь появляется. Двое из тех, кто разбирал старый штрек, ходят теперь с перевязанными руками, и старшие велели тот ход закрыть и не соваться. Заложили досками и повесили знак, только знак этот никого не остановит — мальчишки уже спорили, кто сбегает туда на спор. Я стараюсь туда не ходить, но немного беспокоюсь. Ничего страшного, наверное, — просто, когда прохожу мимо, вспоминаю маму с папой. Ты не волнуйся, ладно? Я осторожная.

Надеюсь, у тебя все хорошо. Пиши чаще, если сможешь. Я знаю, что это дорого, и все равно пишу «чаще» — можешь считать меня бессовестной. Скучаю. Твоя Лира».

Я перечитал письмо дважды, не отходя от терминала. Я представил ее — как она сидит над грядкой и разговаривает с зеленью, а из рукава торчит любопытная морда Искры. Представил дождь, три дня дождя, запах камня и травы, пар над долиной, будто земля дышит. Дышит — не так, как дышит наша база, стоном металла и хрипом фильтров, а по-настоящему. Я даже свист ее попытался представить — и не смог: у меня в голове любой свист выходил сигналом тревоги.

Картинка получалась яркой, слишком яркой для человека, который двадцать лет не видел неба. Наверное, я представлял все неправильно. Траву — не той, дождь — не таким. Но мне было все равно. Пока я стоял у мертвеющего терминала в пустом зале Купола, моя сестра жила под небом, и с ней все было хорошо. Почти все.

А потом картинка погасла, и остались только два слова, вбитые между строк, как гвозди.

Странная пыль? Сыпь? Еще один тревожный звоночек прозвенел в голове. Родители умерли от отравления кристаллической пылью десять лет назад... Неужели это оно? Я сжал кулаки.

Нужно выбираться отсюда.

Как можно скорее.

Нужно спасти ее.

На Дне про такие мысли говорят: «Рыба, что всплыла — уже мертва». Всплыть — значит сдохнуть: от глубины, от патрулей Атлантов, от самой мечты. Так здесь глушат всякую надежду подняться, еще в детстве, чтобы не мучила. Я слышал эту присказку тысячу раз и тысячу раз кивал. А сейчас впервые подумал: рыбы, может, идохнут. Но я не рыба.

Я стер входящее сообщение и вышел из зала, оставив терминал погружаться в спящий режим. Тяжесть на душе стала еще сильнее. Теперь к горю по Марку и ярости на Векса добавилась острая, режущая тревога за сестру.

* * *

Я шел по гулким, пустым коридорам базы.

Я остановился у одного из треснувших иллюминаторов, вглядываясь в непроглядную черноту океана за ним. Тысячи метров воды давили сверху, держали нас здесь, в этой под-

водной тюрьме. Бежать некуда. Атланты наверху, со своими патрульными дронами и сферами контроля, зорко следили, чтобы никто не поднялся выше ста метров от дна. Они бросили нас здесь умирать, как мусор, но уйти не позволяли.

Мой взгляд упал на решетку вентиляции неподалеку от места взрыва. Та самая система, что погубила Марка. Грета говорила, что нужно проверить повреждения. Это был предлог. Мой шанс начать копать. Осмотреть место аварии внимательнее, поискать то, что могли пропустить люди Векса в своей спешке.

Я отвернулся от иллюминатора и твердым шагом направился обратно в мастерскую.

Нужно было подготовить инструменты. Завтра я спущусь к поврежденному модулю.

И пусть бездна смотрит.

Я готов встретить ее взгляд.

* * *

На следующее утро воздух на «Тихой Гавани» все еще пах гарью и тревогой.

Аварийные сирены давно замолчали, но напряжение никуда не делось. Люди передвигались по коридорам тише обычного, стараясь не встречаться взглядами.

Смерть Марка и последовавший за ней взрыв оставили на ржавой шкуре базы глубокий шрам.

Я собрал сумку с инструментами, добавив мощный фонарь и пару мотков страховочного троса. Официально я шел проверять повреждения вентиляционной системы в третьем секторе — Грета оформила мне рабочий допуск у Администратора, вернее, у того обрубка системы, что еще функционировал.

Неофициально — я шел искать ответы. Искать то, что так лихорадочно искали люди Векса среди обломков вчерашней катастрофы.

Вход в главный вентиляционный коллектор находился на техническом уровне, недалеко от генераторной.

Массивная гермодверь была приоткрыта — следы поспешных поисков вчерашней спасательной команды Векса. За ней начинался спуск во тьму — узкая, скользкая от вечной сырости лестница, уходящая в гулкое чрево базы. Воздух здесь был еще хуже, чем в жилых отсеках — тяжелый, застоявшийся, с отчетливым привкусом ржавчины и гниющих водорослей, которые умудрялись прорасти даже здесь.

Я включил фонарь.

Луч выхватил из темноты стены, покрытые толстым слоем грязи и слизи, переплетения труб разного диаметра и пучки кабелей, кое-где искрящие оголенными контактами. Это была изнанка базы, ее кровеносная система, давно забытая и заброшенная.

Обычные жители сюда не совались — слишком опасно. Лестницы могли обрушиться, трубы — лопнуть, выпуская

ядовитый газ или кипяток. Настоящая гнилая труба, как говорили на Дне.

Я спускался медленно, осторожно проверяя каждую ступеньку. Фонарь шарил по сторонам, выхватывая детали. Вот здесь, на площадке между пролетами, валялись окурки — Орлан или Рикс нервничали вчера.

А вот тут — свежие царапины на стене, будто кто-то пытался вскрыть одну из распределительных коробок. Искали. Но что?

Место аварии находилось уровнем ниже. Обрушившийся модуль — здоровенный кусок металла — перегородил основной туннель, ведущий к шахтам. Обломки были разбросаны повсюду. Люди Векса вчера явно перевернули здесь все вверх дном, но делали это грубо, поспешно. Они искали что-то конкретное, не обращая внимания на детали.

Я начал методичный осмотр.

Проверял уцелевшие вентиляционные решетки, заглядывал в боковые ответвления, светил в темные ниши. Пыль стояла столбом, дышать было тяжело даже через респиратор.

В голове стучало: «Что ты ищешь, Гром? Иголку в стоге ржавого сена?»

Я пролез под одной из рухнувших балок, рискуя быть погребенным заживо, если конструкция решит сдвинуться еще хоть на сантиметр. Проклятое место. Именно здесь вчера нашли Марка. Я старался не смотреть на темное пятно на полу, но оно притягивало взгляд.

Что он здесь делал? Как он сюда попал?

Фонарь скользнул по стене, выхватывая небольшую вентиляционную решетку, ведущую в боковой канал, обслуживающий нижние уровни шахт.

Решетка была погнута, несколько прутьев выломаны.

Я осветил внутрь. Канал был узким, забитым пылью и мелким мусором. И там, в глубине, среди комков грязи и ржавых ошметков, что-то тускло блеснуло в свете фонаря. Что-то маленькое, с четкими гранями, явно искусственного происхождения. Оно лежало так, будто его туда небрежно бросили или оно упало само.

Я сел на корточки и осветил еще раз, уже не торопясь.

Я просунул руку в отверстие, стараясь не порезаться об острые края сломанной решетки. Пальцы нащупали холодный, гладкий предмет. Я осторожно извлек его и поднес к свету.

Это был кристалл. Точнее опять его половинка — брат близнец найденного на теле Марка.

Размером с ноготь большого пальца, идеально ограненный, прозрачный, с радужными переливами внутри. Он слабо светился собственным, мягким светом. Я никогда не видел ничего подобного.

Кристалл? В вентиляции?

Марк... Он мог его найти? Мог спрятать здесь, убегая от людей Векса?

А взрыв... он мог быть не случайным? Могли ли они

устроить его, чтобы замести следы или чтобы самим обыскать это место под видом спасательных работ?

Варианты роились в голове, но ответов не было.

Я вытащил из внутреннего кармана найденный прежде осколок и положил их рядом, на ладони. Они начали подрагивать и внезапно притянулись к друг другу и слиплись.

Я крепко сжал получившийся кристалл в кулаке

Ладонь покалывало от его слабого тепла.

Что бы это ни было, оно было важно. Достаточно важно, чтобы из-за него погиб ребенок. Достаточно важно, чтобы Векс перевернул всю базу.

Нужно было выбираться отсюда.

И показать находку Грете.

Она единственная, кто мог хоть что-то об этом знать.

Я быстро осмотрелся — нет ли поблизости глаз Векса.

Вроде тихо.

Пора уходить.

Я спрятал кристалл в самый потаенный карман комбинезона и начал выбираться из-под завала, стараясь не шуметь.

Каждый скрип металла отдавался гулким эхом в тишине вентиляционного ада.

Я чувствовал себя крысой, укравшей кусок сыра из мышеловки, которая вот-вот захлопнется.

Я ворвался в мастерскую, тяжело дыша.

Грета оторвалась от работы, ее единственный глаз внимательно меня оглядел.

— Тухляк — буркнула она. — Ну и смрад от тебя. Проветрись.

— Я кое-что нашел, — сказал я, понизив голос и оглядываясь по сторонам, хотя в мастерской, кроме нас, никого не было.

Я достал кристалл и положил его на верстак перед ней.

Грета наклонилась, ее морщинистое лицо оказалось совсем близко к находке. Механический протез осторожно повернул кристалл, рассматривая его со всех сторон. Слабый свет артефакта отражался в ее зрачке.

— Хм, — протянула она после долгой паузы. — Любопытно.

— Что это? — нетерпеливо спросил я.

— Модуль, — ответила Грета, выпрямляясь. — К импланту. Но... странный. Я таких не видела.

Импланты.

Их ставили всем детям на Дне при рождении, прямо в запястье левой руки. Маленькие устройства, вживленные в нервную систему, — наш пропуск, наше удостоверение личности, средство связи и диагностики. Считалось, что извлечь

их невозможно. Только отрубив руку.

На них можно было устанавливать дополнительные модули — кристаллы с информацией или навыками. Но такие кристаллы были редки и безумно дороги, Администраторы заказывали их с поверхности по особому запросу.

— Какой модуль? — спросил я. — Что он делает?

— Без понятия, — Грета пожала плечами. — Стандартные модули — навыки пилотирования, ремонта, медицины — выглядят иначе. И уж точно не светятся сами по себе. Этот... он другой. Похож на старую технологию. Возможно, атлантскую.

Атланты. Наши создатели. Наши тюремщики. Те, кто бросил нас здесь гнить.

— Атлантскую? — переспросил я. — Ты можешь его... установить? Проверить?

— Ты думаешь, это так просто? Вставить кристалл в имплант — все равно что делать операцию на мозге ржавым гаечным ключом. Нужно специальное оборудование. И знания. У меня их нет. Мой модуль для работы с электроникой мне ставил один... специалист. Давно. — Грета хмыкнула.

— Специалист? — переспросил я.

— Атлант-изгой, — уточнила Грета, и ее голос стал тише. — Они изредка приходят на Дно. Мутанты, отбросы их общества, те, кого вышвырнули с плавучих городов. Они знают технологии своих предков, но сами ими пользоваться не могут — чипы в голове не позволяют. Но устанавливать мо-

дули — это они умеют. Если найдешь такого и сможешь договориться.

Атлант-изгой. Я слышал о них легенды. Говорили, они скрываются на самых заброшенных базах, живут в тени, ненавидя и своих сородичей наверху, и нас, жителей Дна.

Грета повернула запястье, показывая едва заметный шрам над имплантом — тонкий, ровный, не чета грубым рубцам шахтерской медицины.

— Сорок лет стоит, — сказала она. — Ни сбоя. По старым стандартам работал, на совесть. Нынешние так не умеют — ни здесь, ни наверху.

— Где его найти? — раздумывая, уточнил я.

— Тот, что ставил мне модуль, осел на «Сердце Пучины», — ответила Грета и внимательно посмотрела на меня. — Нижние ярусы, куда местные не суются. Дверь без обозначений. Постучишь три раза, потом два — иначе не откроет. Не знаю, жив ли он еще. И захочет ли говорить с тобой. Они не любят чужаков.

«Сердце Пучины». Название ничего мне не говорило — дальняя база в стороне от торговых путей, о которой слухов ходило больше, чем правды. Впрочем, на Дне так со всяким местом, куда не летают.

* * *

— Значит, мне нужно на «Сердце Пучины», срочно, —

сказал я твердо.

— На чем ты туда поплывешь, умник? На дырявой бочке? Единственный корабль на этой базе — старая баржа Брига, да и та еле дышит. А Арто со своим корытом еще не вернулся. И неизвестно, когда вернется. — Грета посмотрела на меня своим единственным глазом.

Она была права. Дядя Арто, мой дядя, единственный, кто знал мое прошлое, был в очередном рейсе на старом грузовом корабле, который принадлежал нам. Он мотался между базами, выполняя заказы и доставляя запчасти. Без него и его корабля мы были заперты на «Тихой Гавани».

Я снова посмотрел на кристалл, лежащий на верстаке.

Он манил своим таинственным светом, обещая ответы. Ответы, которые могли стоить жизни Марку. Ответы, которые могли стать ключом к моему собственному побегу. Но чтобы получить их, нужно было добраться до «Сердца Пучины».

А сейчас это было невозможно. Я сжал кулаки. Опять стена. Опять тупик.

На Дне всегда так — только покажется выход, как он тут же захлопывается перед носом.

— Значит, будем ждать Арто, — сказал я глухо. — А пока... пока нужно быть осторожным. Векс знает об этом кристалле. И он не остановится, пока не получит его.

— Спрячь его получше, Гром. И води себя тихо. Не привлекай внимания. Иначе засыпешься так, что и костей не

найдем. — Грета кивнула.

Я взял кристалл. Он снова теплом отозвался в ладони. Пройдя к себе в модуль, я спрятал его в самый надежный тайник, который только смог придумать. Теперь оставалось только ждать. Ждать и надеяться, что Векс не доберется до меня раньше, чем вернется дядя Арто. Ожидание на Дне — это тоже пытка. Медленная, ржавая, как и все вокруг.

* * *

Ночью я лежал на койке и не спал.

Под половицей, в двух шагах от моей головы, лежал кристалл. Я не видел его и не слышал, но чувствовал — как чувствуешь занозу, даже когда не шевелишь рукой. А в голове, слово в слово, крутилось стертое письмо. Зелень, дожди, Искра в рукаве. И два слова между строк: пыль, сыпь. Двое с перевязанными руками. «Ты не волнуйся, ладно?»

Раньше у меня была одна причина рваться с Гавани — наивная, детская: подняться наверх, к Лире, под небо. Причина, над которой смеются все, кому ее расскажешь. Рыба, что всплыла — уже мертва.

Теперь причин стало две, и вторая лежала под половицей. Кристалл, за который погиб Марк. Модуль, который может прочесть только изгой с «Сердца Пучины». Впервые в жизни моя мечта перестала быть картинкой и стала маршрутом: Гавань — «Сердце Пучины» — ответы. Осталась мелочь.

На весь этот маршрут у меня не было ни одного корабля.

Только тайник под половицей, стертое письмо — и ожидание, которое на Дне умеет убивать не хуже глубины.

Глава 5. Признание Брига

Ожидание тянулось мучительно долго.

Дни сливались в серую, однообразную массу из работы в шахте, ремонта в мастерской и тяжелых мыслей. База жила в напряжении.

Взрыв и смерть Марка не прошли бесследно. Люди стали еще более подозрительными, замкнутыми. Разговоры велись шепотом, а в темных углах коридоров то и дело мелькали быстрые, испуганные тени. Атмосфера страха сгущалась, и главным источником этого страха был Векс.

Барон и его люди вели себя все более нагло и агрессивно. Они не скрывали, что что-то ищут. Их патрули стали чаще появляться в жилых секторах, они бесцеремонно останавливали людей, задавали вопросы, иногда применяли силу.

Официально — искали виновных во взрыве вентиляции. Но уже все подозревали — дело не во взрыве. Дело в том, что пропало у Векса.

И он готов был перевернуть всю базу, чтобы найти это. Он мог себе это позволить.

Позавчера его люди вытряхнули жилье Генри Колта — при нем, при его детях, на глазах у половины трущоб. Перевернули койки, вспороли матрасы, забрали банку пасты и моток проволоки. «На проверку». Колт стоял у стены, загородив собой младшую, и молчал. Все стояли и молчали.

Потому что жаловаться было некому.

Администратор не считал кредиты со времен, которых на базе толком никто не помнил, — блок сдох, и деньги на «Тихой Гавани» кончились как явление. Остались кристаллы и бартер. А весь бартер — каждая банка пасты, каждый фильтр, каждая заплата на скафандр — шел через обменный склад Векса. Его весы, его курс, его охрана у дверей. Хочешь есть — идешь к Вексу. Хочешь дышать — тоже к нему.

Пожаловаться на Векса значило пожаловаться Вексу.

Где-то на больших базах, говорят, закон — это Администратор и его протоколы. У нас закон — тот, кто держит склад. Поэтому патрули ходили, где хотели, и вскрывали, что хотели, а база смотрела в пол и ждала, когда пронесет.

Я старался держаться в тени.

Работал, как обычно, чинил механизмы в мастерской Греты, спускался в шахту с Саррой. Но каждый шорох за спиной заставлял вздрагивать, каждый косой взгляд людей Векса вызывал неприятный холодок в животе.

Кристалл, спрятанный под половицей в моей каморке, жег карман даже на расстоянии. Он был ключом. К знаниям, к побегу, к мести. Но он же был и смертным приговором, если Векс узнает, что он у меня.

Сарра тоже чувствовала напряжение. Горе не отпускало ее, но к нему примешивался страх. Она стала еще молчаливее, вздрагивала от любого резкого звука. Работала она механически, почти не поднимая глаз. Иногда я ловил ее взгляд

— полный тоски и затаенной ненависти. Она винила Векса в смерти брата, я это знал. Но, как и я, понимала, что сейчас любое неосторожное слово или действие может стать последним.

Мы были как два загнанных зверя, затаившихся в темноте, ожидая нападения.

Грета наблюдала за нами своим единственным пронизательным глазом.

Она ничего не говорила. Она просто загружала нас работой — так, чтобы к вечеру не оставалось сил думать. Но и она ждала.

Ждет возвращения Арто.

Ждет нашего шанса.

* * *

Однажды, возвращаясь из шахты, я столкнулся со стариком Мэлом.

Он сидел на куче ржавых труб у входа в жилой сектор, перебирая в руках какие-то мелкие камушки. Его седые, спутанные волосы падали на лицо, а мутные глаза смотрели куда-то вдаль, сквозь стены базы, сквозь толщу воды.

— Тень за спиной ходит, Гром, — прошамкал он, не поднимая головы, когда я проходил мимо. — Чует добычу. Голодная тень.

Я остановился.

Мэл часто говорил загадками, многие считали его сумасшедшим, но иногда в его бормотании проскальзывала пугающая мудрость глубин.

— О чем ты, Мэл? — спросил я удивленно.

— Охотник ищет то, что потерял, — старик поднял на меня взгляд. Его глаза, обычно тусклые, на мгновение вспыхнули странным огнем. — Копают глубже, чем дно позволяет. Земля здесь не падает просто так. Она забирает тех, кто тревожит ее покой. Мальчишка... он услышал шепот камней. И заплатил за это.

Шепот камней?

Марк?

Что он имел в виду?

— Ты что-то знаешь, Мэл? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я знаю, что шахта дышит, — уклончиво ответил старик. — Она помнит все. И она не любит, когда ее секреты вытаскивают на свет. Барон... хочет разбудить то, что спит. Теперь тень будет ходить за ним. И за теми, кто стоит у нее на пути.

Он снова уставился на свои камушки.

— Глаза в шахту, Гром. Но смотри и по сторонам. Иногда самая большая опасность не под ногами, а за спиной. — прошамкал он и закрыл глаза.

Я постоял еще мгновение, пытаюсь осмыслить его слова. Тень. Охотник. Секреты шахты.

Это было похоже на бред сумасшедшего, но что-то в его словах заставило меня насторожиться еще больше.

Мэл жил на Дне дольше, чем я существовал на свете. Он видел и слышал то, чего не видели другие. Возможно, он действительно что-то знал.

Или просто чувствовал.

* * *

Сарру ожидание ломало по-своему.

В мастерской она работала как автомат: брала деталь, чистила, клала, брала следующую. Когда в коридоре что-то лязгало, ее пальцы застывали над верстаком — и продолжали движение только через несколько секунд, будто кто-то заново включал механизм.

В тот день, когда мы остались у стеллажей одни, она вдруг заговорила — тихо, не поднимая головы от фильтра, который перебирала уже третий раз.

— Это он его убил. Векс.

— Мы не знаем точно, что... — начал я.

— Я знаю, — она подняла глаза. В них не было слез. Было кое-что похуже. — Марка загнали в тот штрек. Кто-то же выдал наряд. А теперь его люди ходят и вынюхивают, что осталось от моего брата. Как падальщики.

Пальцы у нее побелели на кромке фильтра.

— Однажды я ему это скажу. В лицо.

— И это будет последнее, что ты скажешь, — ответил я жестче, чем хотел.

Она отвернулась к верстаку и больше не проронила ни слова. Но я видел: ненависть в ней искала выход, как вода ищет трещину. Пока это были только слова, сказанные мне и стеллажам. При виде патруля она по-прежнему замирала, как выключенная, — и я не знал, чего боюсь больше: что однажды она замрет в неподходящий момент — или что не замрет.

* * *

В тот же вечер я заметил слезку.

Неявную, осторожную, но вполне ощутимую.

Один из мелких прихвостней Векса, тощий и юркий тип по имени Бриг — бывший шахтер, ставший падальщиком и информатором после аварии, — начал постоянно попадаться мне на глаза. Он слонялся возле мастерской, отирался у входа в шахту, когда я выходил со смены, делал вид, что копается в кучах мусора в коридоре, когда я шел домой.

Сначала я списал это на паранойю.

После разговора с Мэлом и общего напряжения на базе легко было начать видеть угрозу в каждой тени. Но Бриг был слишком назойлив. Он не подходил, не заговаривал, просто... был рядом.

Наблюдал.

Я решил проверить свои подозрения.

Выйдя из мастерской позже обычного, я свернул не к своей каморке, а в лабиринт заброшенных технических коридоров на нижнем уровне — черную линию, как их называли, место, где редко горел свет и куда старались не соваться без нужды.

Я шел быстро, но тихо, прислушиваясь к звукам за спиной.

И я его услышал. Тихие, крадущиеся шаги позади. Бриг шел за мной.

Я резко свернул за угол, вжался в темную нишу за ржавыми трубами и затаил дыхание. Через пару секунд в проеме показалась тощая фигура Брига. Он остановился, растерянно оглядываясь, его крысиные глазки бегали в полумраке. Он явно не ожидал, что я могу заметить его и так быстро исчезнуть.

Я вышел из укрытия.

— Потерял что-то, Бриг? — спросил я тихо, но мой голос гулко отдался в узком коридоре.

Бриг подскочил от неожиданности, развернулся. На его грязном лице отразился страх.

— Гром! А я... я это... заблудился, — пролепетал он, пятясь назад.

— Заблудился? — я медленно пошел на него. — На базе, где живешь всю жизнь? Или тебя Векс послал погулять за мной?

— Никто меня не посылал! — взвизгнул Бриг. — Я просто... искал, чем поживиться! Тут иногда можно найти...

— Врать не умеешь, Бриг, — я подошел вплотную. От него несло гнилью и страхом. — Что Вексу от меня нужно? Говори.

— Я ничего не знаю! — он вжался в стену, закрывая голову руками. — Честно! Он просто сказал... присмотреть за тобой. Узнать, не найдешь ли ты чего... необычного. После взрыва...

Значит, Векс подозревает.

Не знает точно, но подозревает, что кристалл мог попасть ко мне. Или к Грете. Или к Сарре. Мы были на месте аварии одними из первых.

Мы были близки к Марку. Логично.

— Передай своему хозяину, — сказал я тихо, наклонившись к самому уху Брига, — что если со мной или моими близкими что-то случится, я лично вырву его механический коготь и засуну ему...

Я не договорил, но Бриг все понял.

— Я передам! Передам! — он затрясся еще сильнее.

— А теперь проваливай. И чтобы я тебя больше рядом не видел. Иначе заблудишься так, что и Мэл тебя в своих видениях не найдет. — продолжил я его запугивать.

Бриг пулей метнулся прочь, его шаги быстро затихли в лабиринте коридоров.

Я остался один в темноте и тишине. Стало ясно — Векс

взял нас на заметку. Теперь нужно быть вдвойне осторожным. Любая ошибка может стать последней.

И ждать возвращения Арто стало еще невыносимее.

* * *

Осторожность стала нашим вторым именем.

Мы с Саррой передвигались по базе, постоянно оглядываясь, избегая людных мест и открытых пространств. Работали молча, обмениваясь лишь короткими фразами по делу. В мастерской Греты мы чувствовали себя в относительной безопасности, но стоило выйти за ее пределы — и напряжение снова окутывало нас липкой паутиной.

Однажды вечером, когда мы возвращались из шахты, это случилось.

В одном из плохо освещенных боковых коридоров, недалеко от жилых отсеков, нам преградили дорогу.

Рикс и еще двое амбалов из шайки Векса. Они появились из темноты внезапно, будто выросли из стен.

— Стоять, — прорычал Рикс, перегораживая проход своей массивной фигурой. Его тупое лицо кривилось в неприятной усмешке. — Куда спешим, голубчики?

— С дороги, Рикс, — сказал я как можно спокойнее. Спокойнее не вышло. Сарра за моей спиной испуганно втянула воздух.

— А мы поговорить хотели, — Рикс сделал шаг вперед,

его дружки обошли нас с флангов, отрезая путь к отступлению. — Хозяин интересуется... не находили ли вы чего интересного в последнее время? Может, блестяшку какую? Маленькую такую?

Они знали.

Или догадывались достаточно точно.

— Не понимаю, о чем ты, — я старался сохранять самообладание. — Мы работаем, как обычно. Находки сдаем Администратору. Или Вексу, если он требует.

— Врешь, Крест, — усмехнулся Рикс. — Видели мы, как ты шнырял у завала. И дружок твой, Бриг, много чего рассказал. Думаешь, мы не знаем, что ты что-то нашел? Отдавай по-хорошему.

— У меня ничего нет, — твердо сказал я. — А если ко мне есть вопросы — пусть Векс спросит сам. А не посылает своих шестерок.

Это была ошибка.

Слово «шестерка» взбесило Рикса.

Его лицо побагровело.

— Ах ты, щенок! — взревел он и бросился на меня.

Я успел увернуться от его неуклюжего удара и толкнуть Сарру в сторону. Двое других амбалов кинулись на меня с боков.

Я отбивался, как мог.

Годы работы в шахте и постоянная необходимость быть начеку дали мне неплохую реакцию и силу. Одного я сбил

с ног ударом под дых, но второй успел схватить меня сзади. Рикс развернулся и с размаху врезал мне кулаком по лицу.

В глазах потемнело, я пошатнулся.

— Держите его! — рявкнул Рикс.

Меня скрутили.

Я видел, как один из амбалов схватил Сарру, которая пыталась ударить его киркой. Он легко вырвал инструмент у нее из рук и грубо толкнул к стене.

— Ну что, крысеныш? — Рикс подошел ко мне вплотную, его дыхание обжигало лицо. — Где кристалл? Говори, или я из твоей подружки всю информацию вытрясу!

Он схватил Сарру за волосы. Она вскрикнула от боли. Ярость захлестнула меня с новой силой.

— Не трогай ее! — Я рванулся, пытаюсь освободиться, но меня держали крепко.

— Тогда говори! — Рикс приставил к горлу Сарры ржавый нож, который достал из-за пояса.

И тут произошло то, чего никто не ожидал.

Из темноты коридора раздался спокойный, но властный голос:

— Оставь их, Рикс. — Из тени выступила Грета.

Все замерли.

Она стояла неподвижно, ее единственный глаз холодно смотрел на Рикса. В ее живой руке был зажат тяжелый разводной ключ, а пальцы механического протеза угрожающе щелкнули.

— Старуха, не лезь не в свое дело! — прорычал Рикс, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Грету на базе побаивались все, даже люди Векса. Она была непредсказуема, и никто не знал, на что способна ее механическая рука.

— Это мое дело, когда моих работников трогают, — ровно ответила Грета. — Векс знает, что без них мастерская встанет. И если с ними что-то случится, я лично позабочусь, чтобы ни один механизм на этой базе больше не заработал. Ты этого хочешь, Рикс? Хочешь, чтобы Векс снял с тебя шкуру за то, что оставил базу без ремонта?

Рикс колебался.

Он посмотрел на Грету, на меня, на Сарру.

Угроза была реальной. Векс мог взбеситься, если бы лишился единственных толковых механиков на базе.

— Ладно, — проворчал он, отпуская Сарру. — Убирайтесь. Но это еще не конец, Крест. Хозяин все равно получит свое.

Он махнул своим амбалам, и они, бросив на нас злобные взгляды, скрылись в темноте коридора.

Я помог подняться Сарре. Она дрожала всем телом. Грета подошла к нам.

— Я же говорила — не лезь на рожон, — сказала она тихо, но в ее голосе не было упрека. — Они теперь знают. Или почти знают. Вам нужно быть еще осторожнее. И молиться, чтобы Арто вернулся скорее.

Я кивнул, переводя дыхание.

Да, они знали. И они не отстанут.

Игра становилась все опаснее с каждым днем.

* * *

В мастерскую мы вернулись молча — все трое.

Грета задвинула засов, чего не делала почти никогда, усадила Сарру на лежанку за стеллажами и сунула ей кружку с чем-то горячим. Та выпила половину и уснула, не выпуская кружку из рук, — так засыпают люди, у которых кончился завод.

Мне Грета молча ткнула в скулу тряпкой, смоченной чем-то жгучим. Скула после кулака Рикса горела и опухала.

— Сиди смирно, — сказала она. — Красивее не станешь, но жевать сможешь.

Я сидел. Жжение помогало не думать о ноже у горла Сарры.

Грета закончила, отложила тряпку, но не ушла к верстаку, как обычно. Села напротив, на перевернутый ящик, и посмотрела на меня долгим взглядом единственного глаза.

— Ты ведь думаешь, что Векс — это навсегда, — сказала она. — Что так всегда было. Все вы, молодые, так думаете.

Я промолчал. Грета редко говорила больше трех фраз подряд не о работе. Сейчас она собиралась говорить — я видел это по тому, как она сложила руки: живую поверх железной.

— Я помню эту базу без Векса, — начала она. — При Гаф-

фе, моем мастере, тут еще ходили дроиды Администратора. Чистили воздуховоды, чинили обшивку, таскали грузы. База была ржавая уже тогда, но она была базой Администратора, понимаешь? Машина следила за машиной. Человек был жильцом, а не добычей.

Она качнула головой.

— Потом дроиды начали умирать. По одному. Запчастей Атланты не присылали — они уже никому ничего не присылали. Последнего дроида Гафф держал на ходу лет пять, из кусков остальных. Когда встал и он, чинить базу стало некому, кроме нас. А потом сдохла касса.

— Касса? — переспросил я.

— Блок кредитов Администратора. В одну смену. Вечером у людей были кредиты на имплантах — утром одни нули. Ни заработать, ни потратить, ни проверить, кто кому должен. Деньги кончились у всех разом, как воздух в пробитом отсеке. — Грета усмехнулась, но глаз не смеялся. — Ты не представляешь, что это было. Драки у столовой. Меняли инструмент на пасту, пасту на воздушный фильтр. Кто успел набрать кристаллов — стал богачом. Кто держал склад — стал властью.

— Векс, — сказал я.

— Не сразу. Сначала был другой барон, до него — вроде как совет, только толку от того совета... — она махнула протезом. — А потом вернулся Векс. Он ведь отсюда родом, знал тут каждый шлюз. Ушел после бунта, лет десять мотал-

ся по чужим базам — и вернулся не один. Прежнего барона нашли в шлюзовой камере. Внутренней дверью прищемило. Бывает. — Она сказала это ровно, как читают накладную. — А склад обмена к утру уже охраняли его люди.

Грета наклонилась ко мне.

— Пойми одно, Гром. Векс — не начальник, которого можно сменить. Он — посредник между тобой и жизнью. Еда, воздух, фильтры — все через его весы. Администратор считать не умеет, жаловаться некому, а сила у того, кто кормит амбалов. Такого не свергают. — Она откинулась назад. — От такого уезжают. Это единственная дверь, которую он не может запереть. Пока не может.

* * *

Некоторое время мы сидели молча. За стеллажами ровно дышала Сарра. Где-то в трубах булькала вода.

— Я ведь опять подавала заявку, — вдруг сказала Грета. — На твою сертификацию. Говорила тебе.

— Говорила, — кивнул я. — Администратор ее жует который год.

— Жует, — согласилась она. — Только знаешь, что я думаю? Блок сертификации у него, может, и живой. А вот заявка до него не доходит. Кто-то очень не хочет, чтобы на базе появился механик со статусом.

Я посмотрел на нее.

— Вексу-то какая разница? Чинить я хуже не стану.

— Ты не понимаешь, что такое статус, — Грета подняла палец, живой. — Это не грамота на стенку. Сертифицированный механик — это запись в сети Администраторов. На любой базе, где машина еще считает, ты имеешь право брать официальные контракты. По гильдейскому тарифу, а не «за сколько дадут». Тронуть тебя — значит отвечать перед гильдией, а с гильдией не ссорится даже барон: механики умеют помнить обиды долго и чинить плохо. — Она загнула второй палец. — А главное — со статусом ты уезжаешь первым же кораблем, и тебя берут в любом доке. Механик без бумаги работает за еду там, где родился. Механик с бумагой выбирает, где жить.

Она помолчала.

— Теперь скажи мне, зачем Вексу на базе человек, который может уехать и которого нельзя тронуть?

Ответ был очевиден. Незачем. Вексу нужны были механики-должники. Механики, которых кормят с его склада и которые никуда не денутся. Кабала, аккуратная и вечная, как ржавчина.

— Я выучила тебя по старым стандартам, — сказала Грета тихо. — Гафф бы принял твою работу, а он гонял так, что нынешним и не снилось. Руки у тебя есть. Бумаги нет. И здесь ее не будет никогда — теперь ты знаешь почему.

— А не здесь?

— А не здесь — терминалы работают, — она посмотрела

на меня в упор. — На живых базах, где Администратор считает. Экзамен, взнос, запись в сети. Ты все равно собрался к изгою, когда Арто вернется. Так вот, поедешь — смотри там не только на его дверь.

Она поднялась с ящика — разговор был окончен, длиннее я не слышал от нее ни разу в жизни. Уже у верстака, не оборачиваясь, добавила:

— Ожидание кончится, Гром. Оно всегда кончается. Важно, кем ты будешь, когда оно кончится: беглецом — или механиком со статусом, у которого просто новый адрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.